

e-ISSN: 2658-5650

Министерство науки и высшего
образования
Российской Федерации

Российская академия наук

Институт научной информации
по общественным наукам

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**№ 2(5)
2021**

МОСКВА
2021

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакция:

Главный редактор:

В.А. Пицальникова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Заместитель главного редактора:

Л.Р. Комалова – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Л.О. Бутакова – доктор филологических наук (Омск, Россия);

Н.Н. Германова – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Е.Н. Гуц – доктор филологических наук (Омск, Россия);

А.В. Кинцель – кандидат филологических наук (Барнаул, Россия);

А.В. Кирилина – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Дж. Кич-Дргас (Познань, Польша);

Е.Ф. Косиченко – доктор филологических наук (Москва, Россия);

В.В. Красных – доктор филологических наук (Москва, Россия);

Н.Ф. Крюкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

Е.В. Лукашевич – доктор филологических наук (Барнаул, Россия);

А.Б. Михалёв – доктор филологических наук (Пятигорск, Россия);

Е.Ю. Мяжкова – доктор филологических наук (Тверь, Россия);

В.А. Попова – доктор филологии (Шумен, Болгария);

Д.Д. Попов – доктор филологии (Шумен, Болгария);

А.Г. Сонин – доктор филологических наук (Москва, Россия)

Д.Д. Трегубова – кандидат исторических наук (Москва, Россия);

Н.Н. Трошина – кандидат филологических наук (Москва, Россия);

С.А. Чугунова – доктор филологических наук (Брянск, Россия);

Э.Б. Яковлева – доктор филологических наук (Москва, Россия);

К. Янь – кандидат филологических наук (Гуанчжоу, Китай).

Ответственный секретарь:

К.С. Карданова-Бирюкова – кандидат филологических наук (Москва, Россия)

e-ISSN: 2658-5650

Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Russian Academy
of Sciences

Institute of Scientific Information
for Social Sciences

ETHNOPSYCHOLINGUISTICS

SCHOLARLY JOURNAL

**№ 2(5)
2021**

MOSCOW
2021

Founder:
Federal State Budgetary Institution of Science
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorials:

Editor-in-chief:

Vera Pishchalnikova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Deputy editor-in-chief:

Liliya Komalova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Editorial board:

Larisa Butakova – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Nataliya Germanova – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Elena Guts – Doctor of Science in Philology (Omsk, Russia);

Alyona Kintsel – PhD in Philology (Barnaul, Russia);

Alla Kirilina – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Joanna Kic-Drgas (Poznan, Poland);

Elena Kosichenko – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Viktoriya Krasnykh – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Natalia Kryukova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Elena Lukashevich – Doctor of Science in Philology (Barnaul, Russia);

Andrey Mikhalev – Doctor of Science in Philology (Pyatigorsk, Russia);

Elena Myagkova – Doctor of Science in Philology (Tver, Russia);

Velka Popova – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Dimitar Popov – PhD in Philology (Shumen, Bulgaria);

Alexandr Sonin – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia)

Dinara Tregubova – PhD in History (Moscow, Russia);

Natalia Troshina – PhD in Philology (Moscow, Russia);

Svetlana Chugunova – Doctor of Science in Philology (Bryansk, Russia);

Emma Yakovleva – Doctor of Science in Philology (Moscow, Russia);

Kai Yan – PhD in Philology (Guangzhou, China).

Executive secretary:

Kseniya Kardanova-Biryukova – PhD in Philology (Moscow, Russia)

Содержание

<i>Галяшина Е.И.</i> «Фейкинг» как новая угроза медиабезопасности: лингвоюридический аспект	7
<i>Пицальникова В.А., Хусяйнова С.Р.</i> Специфика речевой манипуляции политиков в Сети на материале социального сервиса Твиттер	25
<i>Джикия Л.О.</i> Новые речевые практики Интернета как способ формирования агрессивного типа личности	46
<i>Заболоцкая М.И.</i> Основные тенденции трансформации интернет-мема	61
<i>Девя С.Д.Р., Пехливан Н., Нванкво Д.Ч., Миршаки Ф.</i> Расстройство аутистического спектра как дегенеративное заболевание	76

Contents

<i>Galyashina E.I.</i> «Faking» as a new threat to media security: lingua-jurist aspect	7
<i>Pishchalnikova V.A., Khusyaynova S.R.</i> The specifics of politicians’ speech manipulation in the network (based on communication in Twitter)	25
<i>Dzhikiya L.O.</i> New speech practices of the Internet as a way of forming an aggressive personality type	46
<i>Zabolotskaya M.I.</i> The main trends in the transformation of Internet-memes	61
<i>Dewi C.J.R., Pehlivan N., Nwankwo J.C., Mirshaki F.</i> Autistic Spectrum Disorders as a neurodegenerative disease	76

Галяшина Е.И.

**«Фейкинг» как новая угроза медиабезопасности:
лингвоюридический аспект^{*1}**

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, Москва, eigalyashina1@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются fake news как феномен, представляющий собой новую угрозу медиабезопасности в цифровой коммуникационной среде. Автор исследует понятие «фейк» и функциональные особенности заведомо недостоверных сообщений («фейковых новостей»), распространяемых под видом новостей о реальных фактах или событиях, выделяя лингвистические маркеры «фейкинга» как речевого действия, направленного на сознательное дезинформирование аудитории. В результате исследования сделан вывод о недостаточности изучения только новостных заголовков, требуется выявление всех элементов, составляющих диагностический комплекс «фейковая новость», репрезентированных на различных языковых уровнях.

Ключевые слова: фейкинг; лингвистические маркеры; диагностический комплекс признаков; угроза медиабезопасности.

Поступила: 05.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Галяшина Е.И., 2021

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта N 20-011-00190.

Galyashina E.I.

**«Faking» as a new threat to media security:
lingua-jurist aspect^{*1}**

*Moscow State Law University named after O.E. Kutafin
(Moscow State Law University),
Russia, Moscow, eigalyashina1@gmail.com*

Abstract. This work presents the analysis of «fake news» phenomenon that represents a new threat to media security in the digital communication environment. The author explores the concept of «fake» and the functional features of intentionally unreliable messages («fake news»), disseminated under the guise of the news about real facts or events, highlighting the linguistic markers of «faking» as a speech action aimed at deliberately misinforming the audience. As a result of the study, it is concluded that it is not enough to study only news headlines, it is necessary to identify all the elements that make up the diagnostic complex of «fake news», represented at various language levels.

Keywords: faking; linguistic markers; diagnostic complex of signs; a threat to media security.

Received: 05.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Современная медиасреда характеризуется появлением новых информационно-коммуникационных феноменов, к числу которых можно отнести фейкинг.

Фейкинг – это речевое действие, направленное на умышленную и целенаправленную дезинформацию, посредством распространения в массмедиа под видом новостей о значимых для аудитории фактах и событиях заведомо недостоверных сообщений – «фейковых новостей» («fake news»).

---

* © Galyashina E.I., 2021

¹ Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00190.

Понятие «фейк» уже довольно давно широко используется для обозначения разнообразных явлений интеллектуального подлога и информационной мистификации. К ним относят фальшивые тексты, фото-, видео- или аудиозаписи; страницы или блоги, которые ведутся от чужого имени в социальных сетях (от имени реально существующих либо вымышленных личностей, исторических или художественных персонажей); поддельные страницы популярных сайтов: искусственно созданная по заданию заказчика популярность личности, произведения, проекта; полностью ложная либо частично искаженная информация о фактах, событиях и явлениях [Суходолов, Бычкова, 2017, с. 155].

В проводимом нами исследовании угроз информационно-мировоззренческой безопасности интернет-коммуникации основное внимание уделяется изучению текстовых сообщений в медиасфере, содержащих полностью ложную либо частично искаженную новостную информацию, подаваемую под видом достоверной, которая получила название «fake news» («фейковые новости»). Пришедшее в русскую речь из английского языка словосочетание «фейк ньюс» потеснило фразеологизм «газетная утка», использовавшийся применительно к ложным сообщениям в традиционных СМИ, которые делаются в политических или коммерческих целях (для публикации сенсационного материала с целью кого-нибудь очернить или привлечь внимание ради узнаваемости – для «хайпа»), а также бывшее некогда весьма популярным идиоматическое выражение «развесистая клюква» для обозначения всякого рода нелепой выдумки, а также фантастических, ложных представлений иностранцев о России.

В новых информационно-телекоммуникационных медиа «фейковые новости» распространяются вирусоподобным образом и потому представляют большую потенциальную угрозу для конкретных пользователей социальных сетей, общества и государства. Фейкинг тесно связан с использованием манипулятивных коммуникативных технологий, так создатели фейков стремятся навязать аудитории свою точку зрения, сформировать определенный взгляд на ту или иную проблему, создать ложное или искаженное представление о действительности [Казун, 2020].

Информирование является одним из способов воздействия на аудиторию за счет сообщения информации о новых событиях или информации, позволяющей читателю установить новую связь между известными уже событиями. Целенаправленно вводя аудиторию в заблуждение, сообщая ложную информацию, под видом заслужи-

вающей доверие, можно не только изменить отношение, взгляды и мнения людей, но и изменить их поведение, побудив к каким-либо действиям, в том числе к деструктивным [Иссерс, 2014].

Фейкинг в медиасреде подрывает авторитет журналистики и СМИ в целом как достаточно надежных информационных источников, способствует формированию искаженных представлений о происходящих событиях, что оказывает неблагоприятное влияние на все сферы жизни общества. Именно поэтому выявление, противодействие и профилактика распространения фейкинга в новых медиа приобретает особую актуальность для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях глобального информационного противостояния различных политических режимов.

Несмотря на значительный характер распространения в социальных сетях и иных массмедиа вымышленных, мимикрирующих под новости, сомнительных сообщений, до сих пор отсутствует структурированный перечень диагностических признаков фейка, что значительно затрудняет процесс выявления заведомо ложной информации, распространяемой под видом новости о реальных фактах или событиях («фейк ньюс»).

Понятие «фейковые новости» и критериология их классификации

Словосочетание «fake news» не является новым, однако оно активно стало использоваться в 2016 г. во время президентской кампании в США, когда о кандидатах множились в социальных сетях публикации с недостоверной информацией, замаскированной под новостные заметки. Популярности выражения «fake news» способствовал Дональд Трамп, который в январе 2017 г. так назвал сообщение телеканала CNN о его связях с Россией, и позже часто употреблял это словосочетание в своих официальных выступлениях и постах в Твиттере. В 2017 г. словосочетание «фейковые новости» / «fake news», стало фразой года по версии составителей толкового словаря английского языка Collins English Dictionary¹, где оно было определено как «ложная, часто сенсационная, информация, распространяемая под видом новостей» / «false, often sensational, information disseminated under the guise of news» [Головацкая, 2019, с. 144].

---

¹ Collins online dictionary. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 18.08.2021).

Существует несколько определений понятия «fake news», переводимого на русский язык как «фейковые новости». Одни авторы считают, что «фейковая новость» – это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично [Суходолов, Бычкова, 2017, с. 144]. Другие рассматривают фейки в целом как медиапродукты в формате новостной журналистики, но с неопределенным истинностным значением, которые конструируются влиятельными акторами и распространяются влиятельными медиаагентами для достижения политических или коммерческих целей, легитимируются авторитетными новостными медиа и воспринимаются целевыми группами как достоверные новости из надежных источников [Пономарев, 2019, с. 55].

Наиболее общее определение приведено в Оксфордском словаре, где fake news толкуются как ложные сообщения о событиях, написанные и прочитанные на веб-сайтах / false reports of events, written and read on websites¹; fake – это фальшивая история, произведение искусства и т.д., которое выглядит подлинным, но не является таковым / fake story, work of art, etc that looks genuine but is not [Hornby, 1974, с. 311].

Критериями выделения и классификации фейковых новостей выступают следующие [Суходолов, 2017]:

– по соотношению достоверной и недостоверной информации о факте или событии: (1) сообщения, содержащие полностью недостоверную информацию; (2) содержащие ложь на фоне в целом достоверной информации, представленной выборочно; (3) сообщение о реальном событии, отдельные фрагменты которого искажены;

– по достоверности данных о месте произошедшего события и его обстоятельствах выделяются: (1) сообщения, преподносящие как новость устаревшую правдивую информацию; (2) сообщения о событии, которое реально произошло в одном месте, но преподносится как произошедшее в другом;

– по составу лиц: (1) сообщение содержит ссылку на якобы имевшее место высказывание публичного лица, размещенное от имени фейкового аккаунта; (2) сообщение выставляет второстепенного участника события в качестве главного действующего лица; (3) сообщение, основанное на непроверенных показаниях лиц, якобы являвшихся свидетелями каких-либо событий;

---

¹ Oxford learner's dictionary. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/fake-news?q=fake+news> (дата обращения 18.08.2021).

– в зависимости от уровня восприятия достоверности: (1) сообщения, явно воспринимаемые как фейк; (2) сообщения, способные вызвать сомнение относительно их правдивости, побудить проверить сообщаемую информацию; (3) сообщения, сфальсифицированные столь убедительно, что сомнений в их правдивости практически не возникает;

– по цели создания и распространения: сообщения, создаваемые и распространяемые с целью (1) развлечения потребителя; (2) получения политической выгоды; (3) дискредитации конкурентов; (4) дискриминации по какому-либо признаку; (5) повышения трафика и притока пользователей на сайт с ярким заголовком; (6) мошенничества с целью заставить пользователя перевести денежные средства; (7) хакерской атаки; (8) получения экономической выгоды; (9) привлечения внимания к какой-либо личности, компании, проекту или движению и др.

Правовое противодействие фейковым новостям

Вопрос об ответственности за распространение фейковой информации в Российской Федерации впервые возник в 2008 г. на фоне активного распространения в СМИ недостоверной информации об авариях на объектах атомной отрасли. Тогда было предложено ввести уголовную ответственность за «распространение ложной информации о чрезвычайных происшествиях и ситуациях».

В марте 2019 г. вступили в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 18.03.2019 № 27-ФЗ и Федеральный закон «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» от 18.03.2019 № 31-ФЗ, в рамках которых предусмотрена административная ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создающей угрозу причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращению функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Одним из основных поводов для принятия данных поправок стала трагедия в торговом центре «Зимняя вишня» в Кемерове, произошедшая 25 марта 2018 г. По официальным данным, в пожаре погибли 60 человек, однако в социальных сетях активно распространялась информация о том, что власти намеренно занижают количество погибших и скрывают настоящий масштаб произошедшего.

Вспышка новой коронавирусной инфекции COVID-19 вынудила законодателя пойти по пути ужесточения ответственности за распространение фейковой информации. 01 апреля 2020 г. вступил в силу Федеральный закон № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон № 100 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Федеральным законом № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» ст. 13.15 КоАП РФ была дополнена частью 10.1, в которой устанавливается административная ответственность за распространение заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, и частью 10.2, в которой предусматривается ответственность за распространение заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее смерть человека, причинение вреда здоровью человека или имуществу, массовое нарушение общественного порядка и (или) общественной безопасности, прекращение функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи.

Федеральным законом от 01 апреля 2020 г. № 100-ФЗ установлена уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ), а также за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207.2 УК РФ).

Существует ряд обязательных условий наступления ответственности по статьям 207.1 и 207.2 УК РФ, содержание которых разъяснено Верховным судом Российской Федерации в «Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением

законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2».

Во-первых, информация должна быть заведомо ложной.

Во-вторых, информация должна распространяться под видом достоверной.

В-третьих, информация должна быть об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ) или быть общественно значимой (ст. 207.2 УК РФ).

И наконец, информация должна распространяться публично.

Необходимо отметить, что в ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ предусматривается ответственность за распространение заведомо ложной информации, а в ч. 9–11 ст. 13.15 КоАП РФ – за распространение заведомо недостоверной информации, что требует дальнейшего исследования по гармонизации российского законодательства.

Методы и методология исследования

Целью нашего исследования являлась разработка общих положений теории использования специальных знаний для противодействия угрозам информационно-психологического воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание пользователей русскоязычного сегмента Интернета. Явление фейкинга нами выделено в качестве одного из угрозозенных факторов мировоззренческой безопасности.

Для реализации цели исследования осуществлялся мониторинг русскоязычных страниц социальных сетей (Facebook, ВКонтакте, Одноклассники) с целью фиксации, описания, типологизации и систематизации диагностически значимых признаков фейкинга и их анализ, основанный на положениях Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.

Осуществлялось конструирование криминалистического диагностического комплекса фейкинга как криминогенного и / или вредоносного (деструктивного) речевого действия, посягающего на мировоззренческую безопасность личности в цифровой среде.

В исследовании использован комплекс методов, включающий ретроспективный анализ научной литературы, сравнительно-правовой и логический анализы, частно-научные методы судебной лингвистической экспертизы. Основу методологии проведенного исследования составил диалектический подход познания действи-

тельности на основе взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. При проведении исследования использовались законы диалектической и формальной логики, наряду с общенаучными методами (наблюдение, описание, сравнение, систематизация, формализация, классификация и др.), частнонаучными методами (логический, статистический, сравнительно-аналитический, системно-структурный, комплексный и системный подходы) и логическими приемами (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и др.).

Исследование носит междисциплинарный интеграционный характер, обеспечивая синергетический эффект от комплексирования знаний прикладной лингвистики – судебного речеведения (судебной лингвистики), психологии, политологии и смежных с ними наук.

Для выявления критериологических характеристик фейкинга был сформирован корпус текстов, состоящий из 10 000 русскоязычных сообщений новостного характера, посвященных коронавирусной тематике как наиболее актуальной в 2020–2021 гг. в связи с пандемией, распространенных в социальных сетях Facebook, ВКонтакте, Одноклассники, которые были проверены и идентифицированы экспертами как фейковые новости о COVID-19. Ложь публиковали о вакцинации, карантине, лекарственных препаратах, методах лечения от коронавируса, количестве заразившихся, выздоровевших и умерших от ковида. К таковым, например, были отнесены утверждения о том, что «коронавирус распространяют вышки 5G», «вирус – биологическое оружие, созданное искусственно в китайской лаборатории», «вирус специально создали для уничтожения излишка населения Земли», «коронавируса не существует, его придумало мировое правительство для выкачивания из народа денег»; «коронавирус является генно-модифицированным биологическим оружием, искусственно созданным с целью проведения чипирования населения и установления глобального мирового порядка, уничтожения людей путем заражения под видом вакцинации, спрогнозировать распространение коронавируса можно путем нумерологических расчетов» и т.д.

Обсуждение полученных результатов

Проведенное нами исследование позволяет выявить ряд криминалистически значимых диагностических признаков фейковой новости¹:

---

¹ Примеры приводятся в авторской редакции.

– заведомая недостоверность информации о факте или событии, что обуславливает выбор определенных языковых средств для ее репрезентации, например: «вакцина Билла Гейтса – троянский конь мировой пандемии»; «Гейтс вторгнет всех в цифровое рабство – с помощью чипирования неугодных отключат от системы жизнеобеспечения и оставят без средств к существованию»; «вас дураят, вакцина ведет в цифровой концлагерь»; «Людиии, когда до вашей тупой головы дойдет, что нет никакого вируса, вам врут, вы лошары!»; «уроды сами придумали вирус, а народу чипы»;

– маскировка под новость о реальном факте или событии, что предопределяет создание текста аналитического информационно-новостного жанра, содержащего утверждения о якобы достоверном факте: «коронавирус – не опаснее сезонного гриппа»; «Билл Гейтс с помощью вакцины от коронавируса проводит чипирование человечества для установления тотального контроля»; «вакцина от коронавируса содержит в себе чипы для отслеживания людей»; «ношение масок засоряет легкие и люди травятся углекислым газом»; «в тело человека вживляется чип, исполняющий роль контролирующего органа на предмет соответствия характеристик ежедневной активности для какой-то криптовалюты»;

– распространение в новых медиа, адресность массовой аудитории интернет-пользователей: «всем-всем-всем срочно! Человечество ждет дефицит еды и воды, с полок магазинов сметают продукты!»; «бегите из городов, которые обрабатывают токсичными веществами», «Спасайте детей! – По ночам в детских садах распыляют опасный антисептик!»; «МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕПОСТ – Завтра въезды в Москву перекроют – читайте секретный приказ министра обороны Сергея Шойгу»; «Воздух будут дезинфицировать с помощью вертолетов!!! с 23 часов не открывайте окна и двери, не выходите на улицу!!!!»

– сенсационность сообщения, что предопределяет выбор языковых и невербальных средств привлечения внимания: «пока вы спали!!! ученые на западе узнали то, что от вас СКРЫВАЮТ!!!! – коронавирус нашли в бананах, он передается укусом комара, его частицы могут долго висеть в воздухе, от них спасут алкоголь, чеснок, кунжутное масло, горячие чай и кофе, низкие температуры и свет ультрафиолетовой лампы, курение табака и марихуаны»; «кошки и собаки являются переносчиками коронавируса. В Москве отлавливают и убивают бездомных кошек и собак, чтобы защитить горожан от вируса»; «будьте бдительны, если вы не можете задержать дыхание больше чем на 10 секунд и начинаете кашлять и за-

дышаться, то это свидетельствует о наличии вируса в вашем организме»; «для защиты от коронавируса надо брить бороды и усы»;

– апелляция к чувствам и эмоциям аудитории для усиления эффекта воздействия на читателя, позволяющего внушить определенные заблуждения без необходимости приведения доказательств: «вирус убивает вас и ваших детей, но спасение есть. И это – наращивание ресниц. Тотальное, поголовное наращивание ресниц, которое спасет вас от невероятно опасной болезни»; «Погибнут десятки миллионов от нового штамма коронавируса. Какую сенсацию таит в себе COVID?»; «ВЛАСТИ СКРЫВАЮТ!!! по ночам из больницы в Крылатском КАМАЗами вывозят тела умерших в результате заражения ковидом»;

– целенаправленный характер сообщения, к числу которых относятся: развлекательно-игровая («Сколково. Российскими учеными выведен отечественный коронавирус, который ни в чем не уступает зарубежным аналогам»; «Плохая новость. Говорят, что к осени коронавирус мутирует и надо будет мыть и ноги»); привлечение внимания к какой-либо личности, компании, проекту или движению («хайп») («Леонид Рашаль – чеснок эффективное средство профилактики коронавируса»); «Вчера в 2 ночи мне позвонили и предупредили, что сегодня, в пятницу, в 23:00, начнется распыление по территории Москвы, Ленинграда и ряда крупных городов отравы, которая повлечет за собой массовые смерти населения в течение последующих недель и месяца. Нужно закрыть все окна и отверстия проникновения воздуха. Не включать даже кондиционеры. Необходимо закупить тиосульфат натрия в ампулах только одного производителя»); извлечение выгоды (политической, коммерческой и др.) («пиво и алкоголь убивает ковид»; «выпей 100 водки и не заболеешь»; «диоксид хлора спасает от вирусов»; «нанесение кунжутного масла на все тело может защитить от SARS-CoV-2»); дискредитация оппонентов и конкурентов («эти врачи нарочно заражают пациентов ковидной под видом тестов»; «китайская вакцина от коронавируса... сама заражена коронавирусом»); дискриминация по какому-либо признаку («моча беременных женщин 100% защитит от коронавируса, девственниц просьба не беспокоиться»); повышение трафика и притока пользователей на сайт с ярким заголовком («Россия выпустила более чем 500 львов на улицы, чтобы заставить граждан сидеть дома во время пандемии»; мошенничество с целью заставить пользователя перевести денежные средства («фишинг») («из-за коронавируса нам пришлось отложить поставку. Поэтому мы предлагаем новые инструкции. Незамедлительно откройте вложенный файл»); хакерская атака, когда в ссылку с

ярким заголовком вшит вирус, заражающий компьютеры пользователей и ворующий личные данные, которые затем используются для вымогания средств, получение экономической выгоды («ВНИМАНИЕ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ОГРАНИЧЕНО, ТОЛЬКО СЕГОДНЯ бесплатный семинар по профилактике коронавируса»); нагнетание обстановки с прогнозированием последствий по деструктивному сценарию («Центр по контролю и профилактике заболеваний создал систему управления, которая координирует все медико-санитарные процедуры и действия, направленные на решение проблемы с эпидемией вируса в рамках не только территории США, но и всего мира. Пройди по ССЫЛКЕ, чтобы ознакомиться с последними случаями заражения и смертей в твоём регионе») и др. [Кошкарова, 2020, с. 80; Суходолов, 2017, с. 93; Allcott, Gentzkow, 2017, с. 213].

С учетом указанных критериев криминогенные «фейковые новости» можно определить как распространяемая под видом достоверных сообщений заведомо ложная информация об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств либо заведомо ложная общественно значимая информация.

Иными словами, «фейковые новости» – это заведомо ложная информация о значимых для безопасности аудитории фактах, обстоятельствах или событиях, распространяемая публично под видом достоверных сообщений.

Проверка достоверности сомнительного новостного сообщения осуществляется методом фактчекинга, под которым понимается проверка фактов, когда выявляются соответствия или несоответствия между существующими в реальности фактами или событиями и публикуемыми о них сведениями (информацией).

Основным этапом фактчекинга как процедуры проверки текста на достоверность сообщаемой информации является анализ медиатекста на предмет наличия или отсутствия маркеров фейкинга [Стернин, Шестернина, 2020, с. 3].

Трудность в детектировании фейкинга как речевого действия заключается в том, что заведомо ложное сообщение подается под видом достоверных сведений в форме утверждения о фактах или событиях, оформляемого с помощью соответствующих языковых средств. В связи с этим для выявления фейка необходимы специальные лингвистические знания, позволяющие выявить признаки фейковых новостей в случае сомнений в реальности утверждаемого [Манойло, 2020].

При этом утверждение в случае фейковой новости может быть как эксплицитным, так и имплицитным. Недостоверная информация, подаваемая под видом достоверного сообщения, может быть представлена в форме пресуппозиции («Врачи скрыли, что вместо “Спутника” людям кололи нечто, вызывающее ковид»; скрытого утверждения «в западных вакцинах от коронавируса есть тяжелые металлы, их можно определить с помощью тепловизора»), намек или оценочных суждений, содержащих эмоционально-экспрессивные оценки, субъективные мнения, которые нельзя верифицировать – проверить на соответствие или несоответствие действительности: «МАСКИ БУДУТ ПРОПИТАНЫ химикатом, НЕ НАДЕВАЙТЕ маски, БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!!!»; «НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ДЕЛАТЬ ВАКЦИНУ, ЭТИМ ВЫ СЕБЕ ПОДПИШИТЕ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР»; «Максимальный РЕПОСТ ПОЖАЙЛУСТА В КАЧЕСТВЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ – ВСТУПИТЕ В ГРУППУ И ПОСТАВЬТЕ КЛАСС И ПОДЕЛИТЕСЬ ЗАМЕТКОЙ О ПОБОЧКЕ ВАКЦИНЫ!; ПОКУПАЯ МАСКИ ты финансируешь ТЕРРОРИЗМ и ГЕНОЦИД собственного народа» [Галашина, 2019, с. 254].

Фейковые новости имитируют информативность на формальном уровне, а потому чаще всего представлены в жанре информационно-аналитической заметки.

Структура фейковой новости, обычно, не отличается от структуры обычной новостной заметки, содержащей актуальное сообщение о событиях, которое готовится оперативно по следам произошедшего и быстро становится неактуальным [Shoemaker, Cohen, 2006, p. 53].

Для жанра фейковых новостей, как правило, характерен прямой суммирующий (обобщающий) лид, который строится по формуле 5W&N, т.е. содержит ответы на вопросы «кто?», «что?», «где?», «когда?», «почему?» (англ. «Who?», «What?», «Where?», «When?», «Why?») и «как?» («How?»).

Основная функция заголовка фейковых новостей привлечение и задержка на себе внимание аудитории, что достигается обилием эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики; тропов и стилистических приемов, таких как каламбур, ирония, сарказм, языковая игра и другие, а также при помощи графических средств («Коронавирус-разоблачение. Какую участь нам готовят врачи-убийцы. Кому они служат? Обществу или темным сатанистам из элиты?» «Волочкова отказалась от вакцинации от коронавируса, чтобы “не рисковать своим организмом”»; «ЧУДО-ЛЕКАРСТВО ОТ КОВИДА – поставки ограничены»; «ОТ ВАКЦИНЫ НА-

ЧИНАЮТ РАСТИ РОГА И ХВОСТ»; «ВАКЦИНА ПРОВОЦИРУЕТ БЕСПЛОДИЕ ЖЕНЩИН И ИМПОТЕНЦИЮ МУЖЧИН»).

Заголовки фейковых новостей характеризуются сенсационностью, содержат пугающую информацию, вызывающую страх, сильные эмоции; призыв к вниманию, предупреждение о важности информации и т.д. («ЧИТАТЬ ВСЕМ! Коронавирус в мире: домогательства в британских ковид-отелях и “спортивная одежда от ковида”»); «ВАЖНО! Коронавирус вызывает бесплодие», «НЕ ПРОПУСТИТЕ! Русский врач, работавший в Ухани, знает способы борьбы с Covid-19», «Наночерви живут в масках») [Стернин, Шестернина, 2020].

Активно задействованы эмоционально и экспрессивно окрашенные синтаксические конструкции: восклицательные предложения, риторические вопросы, предложения с обращениями, синтаксические повторы, инверсии («И как после этого можно не верить в глобальный контроль и теорию заговора!»); «ВЫ ПРОСПАЛИ – программа “Альянс ID2020” подразумевает ПОГОЛОВНУЮ чипизацию людей всей Земли посредством вакцин уже в нынешнем году!»; «Погибших намного больше!!!»; «ВРАЧИ – ИСПОЛНИТЕ СВОЮ ПРИСЯГУ, ЗАЩИТИТЕ НАС!»; «Нет, друзья мои, вся ситуация реальна! Китай – экспортер коронавируса в Америку и другие страны номер один???!»; «Это моя родина, это мой город, это мои соседи ВОЛОНТЕРЫ ГДЕ ВЫ Мы погибнем!; помощь нужна срочно!!! – номер счета карточки в личке»; «!!! Я делюсь лишь фактами, которые от нас скрывают доктора»; «ПОКА НЕ УДАЛИЛИ!! МАКСИМАЛЬНЫЙ ПЕРЕПОСТ!!!! – найдено лекарство от Covid-19 за один-два дня – иссык-кульский корень (аконит)»).

Фейковые новости, как правило, содержат актуальную информацию о произошедших, происходящих событиях или событиях, которые произойдут в ближайшем будущем, которая важна для аудитории именно в данный момент, способную вызывать сильные негативные эмоции, такие как страх, ненависть, напряженность, тревогу, растерянность («китайцы с помощью “белого порошка” заражают людей коронавирусом»; «по вагонам метро ходят индийцы и заражают людей новым штаммом коронавируса»; «НЕЛЬЗЯ ЦЕЛОВАТЬСЯ! Коронавирус держится в слюне еще месяц после заражения»).

Используются догадки и домыслы – выводы и суждения, в том числе негативно-оценочные, не основанные на каких-либо фактах, но преподносимые в такой форме, что в итоге они воспринимаются аудиторией как факты. Ссылка на источник информации

может либо отсутствовать, либо дается на анонимный источник, со слов якобы осведомленного человека, имя которого не сообщается, но может быть обозначено словосочетанием «с неопределенным референтным индексом» [Доценко, 1997, с. 78]: «анонимный источник сообщает»; «по сообщениям прессы»; «очевидцы утверждают»; «по данным комплексного исследования»; «стало известно»; «в Сети появилась информация»; «по сведениям из надежного источника».

Для создания у аудитории впечатления, что источником информации выступает осведомленное и компетентное лицо, может указываться социальный статус анонимного источника, место работы, должность, принадлежность к органам власти: «по словам представителя ФСБ»; «как утверждает сотрудник МВД»; «судья Верховного суда сообщил» и т.п.

Искажение действительного явления может проявляться в преувеличении второстепенных деталей, игнорировании наиболее существенных свойств, использовании импликатур, которые отсылают к тому, что подразумевается в высказывании, но не эксплицировано и строго не следует из него («Купит ли Турция российскую вакцину от коронавируса и кто проверит ее соответствие системе норм GLP?»: «Где купить лекарства от ковида или как фармкомпания нас обманывают»; «Президентская пилюля от индийского штамма Covid-19 – где достать!!!?»; «Кремлевская таблетка от ковида – только для избранных?!!»).

Отличительной чертой фейковых новостей выступают прямые (с использованием повелительного наклонения: «Пока не удалили распространите!», «Срочно перешлите друзьям!») или косвенные призывы к немедленному и максимально широкому распространению сообщения (с использованием модальных слов с семантикой долженствования: «это необходимо узнать всем»; «вам следует сообщить это всем знакомым» и т.п.).

К признакам фейкинга можно отнести создание эффекта присутствия и эффекта обманутого ожидания, обсуждение политических событий текущего периода на фоне широкого экстралингвистического контекста, использование исторических параллелей; «языка ненависти и вражды», эвфемизмов, выполняющих маскирующую (вуалирующую) функцию, служащую средством переосмысления явлений действительности и с целью речевого воздействия на адресата. За счет создания нейтральной или положительной коннотации эвфемизмы позволяют приукрасить или завуалировать информацию о реальном факте, выставить что- или кого-либо в

положительном или, напротив, отрицательном свете, побудить адресата посредством манипуляции к каким-либо действиям или бездействию.

В текстах фейковых новостей нередко используются неологизмы, эвфемизмы и слова с манипулятивной семантикой, т.е. такие слова, которые обладают экспрессивными, коннотированными или ассоциативными сопутствующими значениями и влияют на оценку описываемого события, явления или описываемой личности: («подцепить корону», «балконное гестапо», «цифровой концлагерь», «чипировать людей»; «скарантинить время»; «карантец», «карантинки» «карантикулы»; «нетабучая неделя»; «ковидод»; «вакцинавты», «коронавты»; «маски-шоу и перчаточник»; «корониалы в зуме»; «ковид-диссиденты», «ковигисты», «коронапофигисты»; «коронаудаленка»; «ковидный», «противоковидный», «ковидник», «ковидница»).

Отдельно необходимо обратить внимание на синграфемику (пунктуационное варьирование) (ВЫ ЗНАЛИ – ВАКЦИНА ВЫЗЫВАЕТ АУТИЗМ!!!!????!!!!) и супраграфемику (шрифтовое варьирование) (Вакцинированные УМРУТ!!!! ЧЕРЕЗ 2 года!!!! ГОТОВЬТЕСЬ КРЕМИРОВАТЬ их тела!!!) в оформлении фейковых новостей. Данные средства в основном используются для расстановки акцентов в тексте, формирования экспектаций и определенного восприятия текста.

Заключение

В ходе исследования были проанализированы подходы к определению понятия «фейковые новости», выявлены специфические характеристики и основные лингвистические маркеры фейкинга, на основании анализа которых можно выявить заведомо ложный характер сообщаемой информации с использованием специальных юридико-лингвистических знаний.

Рассмотрены особенности законодательства Российской Федерации, направленного на противодействие распространению заведомо ложной (недостоверной) информации под видом достоверного сообщения о значимых для аудитории фактах или событиях.

Установлено, что для квалификации речевого деяния как фейкинга необходимо проанализировать весь комплекс диагностических признаков в их совокупности.

Список литературы

- Галашина Е.И.* Актуальные проблемы борьбы с вредоносной для России и русского мира фейковой информацией в интернет-среде // Актуальные проблемы информационного противоборства в современном мире: вызовы и угрозы для России и Русского мира : материалы Международной научно-практической конференции. – Донецк : Донецкий национальный университет, 2019. – С. 253–255.
- Головацкая О.Е.* Значение и происхождение термина «Fake news» // Коммуникология. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 139–152. – DOI: 10.21453 / 2311-3065-2019-7-2-139-152. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38506396>
- Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – Москва : ЧеРо : Издательство МГУ, 1997. – 342 с.
- Иссерс О.С.* Медиафейки: между правдой и мистификацией // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 112–123.
- Казун А.Д.* Так ли страшен фейк? Ложные новости и их роль в современном мире // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 162–175.
- Кошкарлова Н.Н., Бойко Е.С.* Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2(80). – С. 77–82. – DOI: 10.26170/pl20-02-08. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42767650>
- Манойло А.В.* Зарубежные научные подходы к исследованию «фейковых новостей» в мировой политике // Россия и современный мир. – 2020. – № 2(107). – С. 285–300. – DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17
- Пономарев Н.Ф.* Фейковые новости в информационной войне // Филология в XXI веке. – 2019. – № 2(4). – С. 54–64.
- Стернин И.А., Шестернина А.М.* Маркеры фейка в медиатекстах. Рабочие материалы. – Воронеж : РИТМ, 2020. – 34 с.
- Суходолов А.П.* Феномен «Фейковых новостей» в современном медиапространстве // Евразийское сотрудничество: гуманитарные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск, 2017. – С. 93–112. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32574561>
- Суходолов А.П., Бычкова А.М.* «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 143–169. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28158099&>
- Allcott H., Gentzkow M.* Social media and fake news in the 2016 election // Journal of Economic Perspectives. – 2017. – N 31. – P. 211–236.
- Hornby A.* S. Oxford advanced learner's dictionary of current English. – Oxford : Oxford University Press, 1974. – 1055 p.
- Shoemaker P.J., Cohen A.A.* News around the world. Content, practitioners, and the public. – New York, 2006. – 409 p.

References¹

- Galyashina, E.I. (2019). Actual problems of combating fake information harmful to Russia and the Russian world in the Internet environment. In *Actual problems of information confrontation in the modern world: challenges and threats for Russia and the Russian world: Materials of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 253–255). Donetsk: Donetsk National University.
- Golovatskaya, O.E. (2019). The meaning and the origin of «fake news» *Concept. Communicology*, 7(2), 139–152. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-2-139-152
- Dotsenko, E.L. (2014). *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection*. Moscow. CheRo, Moscow State University Publishing House.
- Issers, O.S. (2014). Mediafeiki: between truth and mystification. *Communicative research*, 2, 112–123.
- Kazun, A.D. (2020). Is a fake so scary? False news and their role in the modern world. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 4, 162–175.
- Koshkarova, N.N., Boyko, E.S. (2020). Fake, I know you: linguistic mechanisms for recognizing false information. *Political linguistics*, 2(80), 77–82. DOI: 10.26170/pl20-02-08. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42767650>
- Manoilo, A.V. (2020). Foreign scientific approaches to the study of «fake news» in world politics. *Russia and the modern world*, 2(107), 285–300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17
- Ponomarev, N.F. (2019). Fake news in information war. *Philology in the XXI century*. 2(4), 54–64.
- Sternin, I.A., Shesternina, A.M. (2020). *Fake markers in media texts. Working materials*. Voronezh. RITM LLC.
- Sukhodolov A.P. (2017). The phenomenon of «fake news» in the modern media space. *Eurasian Cooperation: Humanitarian Aspects: Materials of Intern. scientific-practical conf.* (pp. 93–112). Irkutsk. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32574561>
- Sukhodolov, A.P., Bychkova, A.M., (2017). «Fake news» as a phenomenon of the modern media space: concept, types, purpose, counteraction measures. *Questions of theory and practice of journalism*, 6(2), 143–169. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28158099&>
- Allcott, H., Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 31, 211–236.
- Hornby, A.S. (1974). *Oxford advanced learner's dictionary of current English*. Oxford: Oxford University Press.
- Shoemaker, P.J., Cohen, A.A. (2006). *News around the world. Content, practitioners, and the public*. New York.

---

¹ Здесь и далее библиографические записи в разделе References оформлены в соответствии со стилем «American Psychological Association» (APA) 6th edition.

Пищальникова В.А., Хусяйнова С.Р.

**Специфика речевой манипуляции политиков в Сети
на материале социального сервиса Твиттер***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, khusyaynova.s@gmail.com*

Аннотация. Целью исследования является описание речевых приемов, активно используемых современными политиками для направленного воздействия на массового адресата. Объект исследования – тексты блогов политических лидеров, предмет – специфика использования речевых приемов манипуляции электоратом в Сети. В качестве материала исследования рассматриваются тексты блогов в социальной сети Твиттер таких известных политиков, как Дональд Трамп, Борис Джонсон, Сара Вагенкнехт, Кристиан Линднер, Джем Оздемир, Себастьян Курц, Сергей Миронов и Леонид Слуцкий. Показано, как в личных блогах политики не только информируют электорат о своей деятельности, реализуя стратегию самопрезентации, но с помощью вербальной манипуляции навязывают электорату свое мнение, характер поведения, пытаются формировать определенное мировоззрение.

Ключевые слова: политика; Твиттер; Сеть; вербальная манипуляция; блоги политических лидеров.

Поступила: 05.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Пищальникова В.А., Хусяйнова С.Р., 2021

Pishchalnikova V.A., Khusyaynova S.R.

**The specifics of politicians' speech manipulation in the network
(based on communication in Twitter)***

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, khusyaynova.s@gmail.com*

Abstract. The purpose of the study is to describe speech techniques that are frequently used by present-day political leaders for targeted influence on the mass addressee. The research object includes the blogs of the political leaders; the subject is the specifics of the use of speech manipulation techniques on the electorate in the Network. The texts of the blogs on the social network Twitter of such high-ranking politicians as Donald Trump, Boris Johnson, Sarah Wagenknecht, Christian Lindner, Cem Ozdemir, Sebastian Kurz, Sergey Mironov and Leonid Slutsky serve as the research material. It is established that in personal blogs, politicians both inform the electorate about their activities, implementing the strategy of self-presentation, and impose their opinion, the nature of behavior on the electorate, try to form a certain worldview with the help of verbal manipulation.

Keywords: politics; Twitter; network; verbal manipulation; blogs of political leaders.

Received: 05.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Внимание современных исследователей все чаще концентрируется на изучении зависимости общественного бытия от характера речевой деятельности представителей разных сфер социальной жизни, степень влияния которых существенно определяется их речевой и культурной компетенцией. Такая зависимость наиболее очевидно проявляется в Интернете и других электронных средствах массовой информации (далее Сеть), поскольку «развитие цифровой коммуникации очевидно демонстрирует эволюцию человеческой когниции: создание новых технологий расширяет возможности познавательной

---

* © Pishchalnikova V.A., Khusyaynova S.R., 2021

деятельности человека, усложняет когнитивные схемы, которые редуцируются в информационной среде и деформируют устойчивые модели познания» [Пищальникова, 2018, с. 199].

Интернет-сервисы, представляющие собой платформу для организации разного рода взаимодействия между людьми, получили название социальных сетей – «веб-сайтов и иных инструментов Интернета, главной особенностью которых является предоставление возможности пользователям взаимодействовать друг с другом и обмениваться различными видами информации. Построение социальных сетей включает организацию интернет-сообществ, способствующих расширению участия существующей общественности и привлечению дополнительных пользователей, заинтересованных в обсуждении круга интересующих их вопросов» [Современные PR-технологии ..., 2011, с. 16].

Одним из крупнейших сервисов микроблогов в Сети является сервис Twitter (далее Твиттер), который стал востребованным сетевым ресурсом, что закреплено в английском языке появлением существительного *twitting*, обозначающего специфический способ общения в Интернете. Н.В. Кобрин определяет Твиттер как политизированную площадку, где базовое противопоставление «свой – чужой» находит отражение в так называемых ретвитах (*retweet*) как вторичной публикации сообщения, уже размещенного другим пользователем в Твиттере, со ссылкой на источник [Кобрин, 2015]. Сейчас в связи с постоянным увеличением количества пользователей сетевые сервисы становятся мощным политическим ресурсом, и чтобы достичь весомых результатов в своей деятельности политик должен грамотно использовать возможности воздействия на электорат через вербальную деятельность в Твиттере. Как пишет А.П. Чудинов, «современные политические лидеры, стремясь добиться успеха у избирателей, нередко используют своего рода “речевые маски”» [Чудинов, 2009, с. 42], определяемые социально-коммуникативной ролью политика.

В качестве рабочего в статье используется термин «вербальная манипуляция» как особый тип речевого воздействия, основанного на некритическом восприятии информации и направленного на принятие массовым адресатом целей, установок и намерений, внедряемых манипулятором, а также побуждение адресата к совершению действий, необходимых манипулятору [Беяева, 2009].

Усилившаяся борьба за власть, стремление эффективно управлять массами и привлекать как можно больше сторонников заставляют политиков прибегать к разным видам речевого воздей-

вия. Установление средств, приемов, стратегий и тактик речевого воздействия на аудиторию на основе исследования политического дискурса стало настолько актуальным и практически востребованным, что привело к появлению нового направления – политической лингвистики [Шейгал, 2000; Романов, 2002; Чудинов, 2006; Синельникова, 2009; Тихонова, 2012] и многие др., которое занимается «изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» [Чудинов, 2006, с. 5].

Материал и методика исследования

В качестве материала исследования используется совокупность речевых приемов манипулирования, выделенная приемом сплошной выборки из текстов блогов в социальной сети Твиттер известных мировых политических лидеров: Дональда Трампа (45-й президент США с 20.01.2017 по 20.01.2021), Бориса Джонсона (премьер-министр Великобритании с 24.07.2019 и по настоящее время), немецких политиков Сары Вагенкнехт (член Лево́й партии Германии, депутат Бундестага), Кристиана Линднера (лидер либеральной Свободной демократической партии Германии), Джема Оздемира (сопредседатель партии «зеленых» Германии), австрийского политика Себастьяна Курца (федеральный канцлер Австрии с 18.12.2017 по 27.05.2019 и с 07.01.2020 по настоящее время), российских политиков Сергея Миронова (руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва с 05.10.2016 и по настоящее время) и Леонида Слуцкого (председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по международным делам с 05.10.2016 и по настоящее время).

Цель исследования – выделение и описание речевых приемов, которые активно используются политиками для направленного воздействия на массового адресата в Твиттере. Рамки статьи не позволяют продемонстрировать весь массив исследованного материала, поэтому мы ограничиваемся только представлением и интерпретацией отдельных типичных примеров вербальной манипуляции.

Отбор текстовых фрагментов осуществлялся по принципу представленности в них приемов вербальной манипуляции. Коли-

чество твитов в блогах вышеперечисленных политиков в 2020 г. распределилось следующим образом¹: Д. Оздемир – 3227 единиц, С. Курц – 1064, К. Линднер – 973, Б. Джонсон – 749, С. Миронов – 511, С. Вагенкнехт – 244, Л. Слуцкий – 164.

В современной лингвистике нет единства в принципах разграничения и определения разнообразных видов и средств речевой манипуляции. Весьма условно выделяют несколько *уровней реализации* воздействия с помощью целенаправленной манипуляции с информацией, к которым относятся: умолчание (утаивание информации от получателя), селекция (представление только выгодной манипулятору информации), передергивание (акцентирование только выгодных говорящему аспектов темы), смысловая трансформация, в том числе искажение (преуменьшение или преувеличение характеристик событий, намеренное нарушение объективной структуры политически значимой ситуации и др.), переворачивание (замена свойств и качеств предмета речи на противоположные), конструирование (придумывание не существующих в реальности данных), произвольное фрагментирование информации, технологические приемы подпорогового представления информации (например, смена музыкальной темы в фонограмме в момент, когда в дикторском тексте подается материал, на который необходимо обратить внимание аудитории), и др.

В статье приемы вербального манипулирования, частотно представленные в исследованном материале, условно разделены на две группы: 1) речевые приемы трансформации информации, где под трансформацией понимается преуменьшение, преувеличение, изменение информации – любая деформация сообщения; 2) речевые приемы селекции информации, где под селекцией понимается отбор из существующего материала такой информации, с помощью которой возможно манипулирование массовым адресатом. В этом случае аудитории предоставляется только та информация, которая необходима для формирования у электората нужных политику представлений о действительности или мотивов деятельности.

---

¹ В связи с тем, что в настоящее время блог в Твиттере бывшего Президента США Дональда Трампа заблокирован, указать количество твитов не представляется возможным.

Результаты исследования

Речевые приемы трансформации информации

В твитах политиков трансформация информации (вплоть до ее целенаправленного искажения) реализуется при помощи следующих средств.

Использование фразеологизмов

Фразеология как специфический пласт языка, демонстрирующий национальную специфику мышления и особенности образности, лежащей в основе возникновения устойчивых сочетаний, обладает повышенной экспрессивностью и эмоциональностью, а следовательно, большими возможностями в использовании с целью вербальной манипуляции. Образная семантика фразеологизма детерминирует многочисленные ассоциативные связи его с другими социально актуальными вербальными и невербальными семиотическими элементами, расширяя поле возможного манипулятивного воздействия и увеличивая количество коммуникативно-прагматических функций, к числу которых принято относить: 1) привлечение внимания реципиента к информации в целом или отдельным ее фрагментам и фактам; 2) представление целей продуцента речи (политика) в выгодном свете; 3) использование фразеологизма как компонента языковой игры с целью заинтересовать и развлечь реципиента, в том числе с целью создания юмористического эффекта; 4) передача иронии и сарказма по отношению к предмету речи или политическому сопернику; 5) отсылка к прецедентным ситуациям, актуализация содержания которых может усилить эмоционально-экспрессивные характеристики речи.

Сергей Миронов, желая подчеркнуть свою близость к народу, принял участие в написании рифмованных вариаций на тему «Не поддавайтесь панике, друзья» в связи с распространением коронавируса, опубликованных на сайте «стихи.ру» [Дубиц Кузнецова]. Текст в его твиттере содержит фразеологизмы в разной степени индивидуальной обработки и употребленных с разной целью: «Не поддавайтесь панике, друзья! Мы пережить могли и не такое. Стерпела столько русская земля, что *не с руки сдаваться* нам *без боя*. И чтобы самых близких уберечь, Давайте будем в правилах едины. Как ни пугали б, вирус – не картечь. Мы

на войне, но мы – непобедимы!». В синтаксическую структуру фразеологизма *сдаваться без боя* ('признать поражение без сопротивления') включено местоимение *нам*, которое акцентирует единство массового адресата и политика. (Это единство подчеркивается также обращением *друзья*, указанием на общую историческую память *мы пережить смогли*, акцентированием этнического единства *русская земля*, уверенностью в успехе *мы непобедимы* и др.). Экспрессивный фразеологизм *не с руки*, в данном контексте употребленный в значении «1. ... нет смысла 2. Не подходит, не годится» [Фразеологический словарь], способствует созданию общей эмоциональной напряженности текста.

«В некоторых регионах ввели штрафы за отсутствие у граждан масок. *Маразм крепчал*... Вы, *господа хорошие*, сначала этими масками обеспечьте. Ведь не купить нигде, сам недавно три аптеки обошел. Нигде нет! Поэтому это уже больше похоже на отъем последних денег у народа». Устойчивое выражение *маразм крепчал* словарь квалифицирует как просторечное и ироническое. Оно восходит к чеховскому «мороз крепчал», ставшему символом творческой бездарности и пошлости, но развившему свое значение в процессе стихийного употребления до обозначения «всё более увеличивающейся глупости, абсурдности чьих-л. высказываний» [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 55] или действий. Косвенное указание на прецедентный текст русской литературы делает функцию репрезентации иронии еще более очевидной. Ирония поддерживается разговорным *господа хорошие* как устойчивой формой обращения представителей низшего социального сословия к высшему, постепенно развившему ироническую коннотацию. Ирония позволяет поставить под сомнение любые положения политического противника и подчеркнуть несерьезное отношение к нему.

Повышенная экспрессивность речи создается не только за счет употребления фразеологизмов, но и синтаксически: инверсией, безличными конструкциями и др.

Придумывание

негативно характеризующих номинаций соперников

Разновидностью этого приема является негативная прозвищная номинация политических противников. «Негативная номинация – это и есть публицистический ярлык, “конденсирующий” в

себе отрицательный эмоциональный заряд, оказывающий мощное воздействие на восприятие читателя» [Клушина, 2008, с. 140]. По А.М. Цуладзе, называющему подобные номинации «манипулятивными терминами», действенность их определяется быстрым вхождением в политический дискурс и долгим временем существования в нем, что приводит к вытеснению «менее агрессивных понятий» [Цуладзе, 1999, с. 86] и общему повышению степени агрессивности вербального политического контекста. Они становятся своеобразным политическим клеймом, «кодом», тем более что для граждан, мало сведущих в политике, мотивацией выбора того или иного политика часто служит не его программа, а личностные характеристики.

Дональд Трамп в период последней предвыборной кампании активно применял этот прием: «*Mini Mike Bloomberg* just “quit” the race for President. I could have told him long ago that he didn’t have what it takes, and he would have *saved himself a billion dollars, the real cost. Now he will pour money into Sleepy Joe’s* campaign, hoping to save face. It won’t work!» («*Мини-Майк Блумберг* только что “вышел” из президентской гонки. Я мог бы давно сказать ему, что у него нет того, что нужно, и он сэкономил бы себе миллиард долларов, реальные затраты. Теперь он будет вкладывать деньги в кампанию *сонного Джо*¹, надеясь сохранить лицо. Это не сработает!»). «Elizabeth “*Pocahontas*” Warren, who was going nowhere except into Mini Mike’s head, just dropped out of the Democrat Primary...THREE DAYS TOO LATE. She cost Crazy Bernie, at least, Massachusetts, Minnesota and Texas. Probably cost him the nomination! Came in third in Mass»². («Элизабет “*Покахонтас*” Уоррен, которая никуда не собиралась, кроме как в голову мини-Майка, только что выбыла из праймериз демократов... НА ТРИ ДНЯ ОПОЗДАЛА. Она стоила *сумасшедшему Берни*, по крайней мере, Массачусетса, Миннесоты и Техаса. Вероятно, это стоило ему номинации! Пришел третьим в массе»). Очевидно, что с помощью эмоционально-экспрессивных номинаций, указывающих на весьма неприглядные или специфические, в том числе физические, черты своих политических противников, Дональд Трамп пытается их дискредитировать или, по крайней мере, испортить долго и тщательно создаваемый имидж. Таким приемом Трамп пользовался

---

¹ Сонный Джо – Джо Байден.

² Трамп называет Элизабет Уоррен Покахонтас из-за ее заявления о своем индейском происхождении.

постоянно: достаточно вспомнить выборы 2016 г., когда он придумал ряд прозвищ своим соперникам: Марко Рубио – *Little Marko* (Малыш Марко), Тэд Круз – *Lying Ted* (Врущий Тэд), Джеб Буш – *Low Energy Jeb* (Квашня Джеб), Хиллари Клинтон – *Crooked Hillary*.

Характеризующие иронические номинации противников использует и Сергей Миронов: «Посмотрел пресс-конференцию главы Центробанка Набиуллиной. На все злободневные вопросы один ответ: “смотрим”, “наблюдаем”, “видим”, “мониторим”. Словно Центробанк у нас не мега-регулятор финансового рынка, а “мега-наблюдатель”»; «Сколько же было противников прямых выплат гражданам. И министр финансов, и глава ЦБ, и все наши “эксперты” на ТВ. Но они будут! Меняйте обувь, господа. Вам не привыкать! А я с коллегами по партии изначально говорил о необходимости такой меры». Отметим попутно индивидуальную обработку известного разговорного фразеологизма *переобуться в воздухе / в прыжке / на лету / на ходу*, использующегося для характеристики политика, который меняет свою позицию на противоположную без объяснения причин – *меняйте обувь*, а также использование устойчивого выражения *не привыкать (стать)*, которое словарь характеризует как устаревшее, поскольку употребляется оно чаще без второго компонента как *нам / вам / мне не привыкать*, но при этом значение не меняется: «О чем-либо таком, что стало привычным, обычным, чем нельзя уже удивить, обидеть» [Фразеологический словарь ..., 2008]. Оба фразеологизма используются не только для создания иронического отношения к ЦБ, но и формирования явно негативного мнения о его представителях.

Использование эвфемизмов и дисфемизмов

Эвфемизм – «слово или выражение, заменяющее другое, которое по каким-л. причинам нежелательно или неудобно употребить в определенной ситуации» [Эвфемизм] и используется оно, «если слово запрещено в обществе, является грубым или непристойным, может кого-то обидеть, расстроить и т.д.» [Эффективное речевое общение, 2012, с. 772].

Так, Сара Вагенкнехт словосочетание *массовое убийство* заменяет словом *акт*: «Verursachtes Leid durch offenbar rassistischen Anschlag in #Hanau ist riesig. Meine Gedanken sind bei den vielen Opfern & Angehörigen. *Die Tat* zielt auf unsere Gesellschaft, in der

Меншчен унтершцидличер Херкунфт & Кунтур ихре Хеймат haben». («Страданиа, вызванне расистским нападением в Хану огромны. Мои мысли о многочисленных жертвах и их близких. **Акт** нацелен на наше общество, в котором люди разного происхождения и культуры имеют свою Родину»).

Кристиан Линднер заменяет слово *умер* на общепринятый эвфемизм *ушел*: «**Vor einem Jahr ist ein wahrer Demokrat von uns gegangen** – #KlausKinkel. Er war ein aufrichtiger Liberaler & ein großer Europäer. Diese Worte von ihm sind aktueller denn je: “Wenn Vorurteile geschürt werden, darf es kein Weghören geben. Wenn Gewalt ausgeübt wird, kein Wegschauen”». («Год назад **от нас ушел** настоящий демократ – Клаус Кинкель. Он был искренним либералом и великим европейцем. Его слова сейчас более актуальны, чем когда-либо: “Когда предрассудки разжигаются, не должно быть никакого пути. Если будет применено насилие, не смотрите в сторону”»).

Ограничение свободы заменено на *ненужное вмешательство в свободу*: «Die Beherbergungsverbote sind ein **unnötiger Eingriff** in die Freiheit. Denn sie sind nahezu wirkungslos für den Gesundheitsschutz. Gefährlich sind Partys, aber nicht der Familienurlaub mit Hygienekonzept. Absurd, dass Berliner ins Ausland reisen, aber nicht an den Bodensee. CL» («Запреты на размещение – это **ненужное вмешательство** в свободу. Потому что они практически неэффективны для охраны здоровья. Опасны вечеринки, но не семейный отдых с концепцией гигиены. Абсурдно, что берлинцы едут за границу, но не на Боденское озеро»).

Словосочетание *ограничение свободы* уже является определенным знаком негативно воспринимаемой нестабильной социальной ситуации, вызванной недемократическим правлением, а потому имеет устойчивую негативную коннотацию. Эвфемизмы же эмоционально нейтральны, что способствует более объективному представлению и восприятию ситуации, но тем не менее точно передает позицию политика. Политик видит свою задачу в критике не формы управления государством, а отдельных решений правительства, поэтому прибегает к эвфемизации как манипулятивному приему.

Дисфемизм – «замена в прагматических целях естественного в данном контексте обозначения какого-л. предмета или явления более вульгарным, фамильярным или грубым» [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. Использование дисфемизмов в манипулятивных целях характерно для сообщений, в которых политики затрагивают острые социальные проблемы и ставят своей целью вызвать явный общественный резонанс, что невоз-

можно без усиления экспрессивности и целенаправленного повышения степени эмоционального воздействия.

Цель употребления Сергеем Мироновым *кошмарят* в сообщении об ужесточении взысканий у граждан по банковским кредитам – акцентировать крайне негативную оценку событий и личное негативное отношение депутата к данному факту: «Ростовщики и коллекторы “*кошмарят*” людей даже во время пандемии. Внес в Госдуму законопроект о запрете передавать коллекторам долги граждан по банковским кредитам. Сегодня же внесли на отзыв правительства закон о запрете МФО». Повышенная экспрессивность слова *кошмарить* – следствие его долгого существования в жаргоне деклассированных в значении ‘создавать невыносимые условия для заключенного, мучая, притесняя’. Заимствование слова в разговорную речь происходит именно по причине повышенной его экспрессивности, которая задана первоначально и этимологически: *кошмарить* образовано от *кошмар*, восходящего к французскому *cauchemar* и далее последовательно – к латинскому *calcare* ‘сжимать, выступать наружу’ и древненемецкому *mara* – ‘удушьё’ [Фасмер].

Кроме перечисленных, в первой группе приемов намеренной трансформации информации используются и традиционные повторы, лексические и синтаксические, выполняющие различные коммуникативные задачи – от эстетических до манипулятивных; риторические вопросы, усиливающие экспрессию речи и некоторые другие, причем часто в единстве, направленном на решение манипулятивных задач.

Речевые приемы селекции информации

Приемы этой группы обеспечивают высказыванию большую степень точности, аргументированности, свидетельствуют об объективности позиции политика, что способствует повышению его имиджа и, как следствие, привлечению электората. При этом современная политическая борьба не исключает использования недостоверных, непроверенных, а часто и фальсифицированных данных.

Ссылки на свидетельства участников и очевидцев событий

Джем Оздемир: «Wer investigativen Journalismus nicht aushält, sondern als Terror bestraft, entlarvt sich & seine Verbrechen vor allem

selbst. **Erdogan** zeigt seine große Angst vor der Wahrheit. Bin froh, dass mein Freund **@candundaradasi** in Deutschland weiter schreiben kann. Duendar» («Тот, кто не выдерживает журналистики и наказывает за нее террором, разоблачает себя и свои преступления прежде всего. Эрдоган показывает свой большой страх перед правдой. Я рад, что мой друг **@candundaradasi** в Германии может продолжать писать. Дюндар»). Джан Дюндар – известнейший турецкий журналист, лауреат Международной премии за свободу печати Комитета по защите журналистов, лауреат премии 2016 г. за свободу и будущее СМИ от Лейпцигского фонда СМИ. В 2015 г., будучи главным редактором газеты Cumhuriyet, был арестован за публикацию материала о поставках оружия боевикам-исламистам турецкой разведкой. Он называет конкретного виновника террористической политики против журналистов – Эрдогана, а также ссылается на наличие свободной журналистики в **@candundaradasi**.

Ссылка на авторитетное мнение

Кристиан Линднер: «**Das Weiße Haus** hat bestätigt, dass Donald Trump und seine Frau erkrankt sind. Bei einer Erkrankung geht es nur um Mitmenschlichkeit. Deshalb kann man beiden nur baldige Genesung wünschen wie allen anderen Erkrankten auch. Egal, wie man politisch zu ihm steht. CL». («Белый дом подтвердил, что Дональд Трамп и его жена больны. Болезнь – это только о сострадании. Поэтому можно желать обоим только скорейшего выздоровления, как и всем остальным больным. Независимо от политики. CL»).

Леонид Слуцкий: «ВВС явно задали провокационный вопрос об ответственности России за ухудшение отношений с Западом. **Путин** виртуозно парировал, отправив мяч снова на поле западных партнеров. “Ребята, давайте жить дружно!”, – это гениально...». Отметим, что автор поста привлекает к нему эмоциональное внимание и с помощью указания на прецедентный текст из мультфильма А. Резникова по сценарию А. Хайта *Ребята, давайте жить дружно!*, ставший шуточной поговоркой со значением ‘призыв прекратить ссору, спокойно обсудить конфликтную ситуацию’. В современной русской лингвокультуре эта поговорка употребляется частотно, имеет положительную коннотацию и способствует выражению позитивного эмоционального состояния.

Ссылка на коммуникацию со значимыми политиками

Себастьян Курц: «Vielen Dank an Bundespräsidentin @s_sommaruga¹ für den herzlichen Empfang in der Schweiz! Ich freue mich auf konstruktive Gespräche mit einigen Mitgliedern des Schweizer Bundesrates gemeinsam mit dem Vorarlberger LH Wallner heute Nachmittag in Bern». («Спасибо федеральному президенту @s_sommaruga за теплый прием в Швейцарии! Я с нетерпением жду конструктивных переговоров с некоторыми членами Швейцарского Бундесрата вместе с губернатором Форарльбергера Маркусом Валлнером сегодня днем в Берне»²).

*Опора на исторические факты,
обращение к авторитету исторических личностей*

Любое современное событие приобретает социальную значимость, вес, если политик находит ему обоснованные параллели в истории государства и человечества вообще или ссылается на аналогии с деятельностью известных исторических личностей. При этом неосознаваемо осуществляется перенос культурной значимости и ассоциативных связей одного события на другое. Технологически такой перенос позволяет встраивать, с одной стороны, известное историческое событие в современность, с другой – современные события помещать в исторический контекст и в обоих случаях достигать положительного эффекта воздействия на массового адресата. Однако если такие процедуры выполняются ради десакрализации исторических событий, они могут приводить и к негативному эффекту. Кристиан Линднер связывает исторические даты, свидетельствующие о борьбе за свободу и демократию, с днем падения Берлинской стены как общеизвестным символом этих социальных ценностей немцев и с международным днем борьбы против фашизма и антисемитизма: «Der 9 November ist ein deutscher **Schicksalstag. Republik 1918, Reichspogromnacht 1938, Mauerfall 1989.** Dieser Tag erinnert uns daran, dass wir weiter für Demokratie und Freiheit kämpfen, Mauern für Freiheit einreißen und uns gegen Antisemitismus stark machen müssen. CL» («9 ноября – немецкий День судьбы. Республика 1918,

---

¹ https://twitter.com/s_sommaruga

² Симонетта Соммаруга – швейцарский социал-демократический политик, член Федерального совета Швейцарии, глава Департамента юстиции и полиции с 01 ноября 2010 г. Избрана вице-президентом Швейцарии на 2014 г.

Хрустальная ночь 1938, Падение стены 1989. Этот день напоминает нам, что мы будем продолжать бороться за демократию, свободу, ломать стены для свободы и сражаться против антисемитизма. СЛ»). В перечисляемый ряд событий встраивается так называемая Хрустальная ночь 1938 г., ставшая ужасом для еврейских семей Германии и Австрии: в эту ночь произошли страшные погромы – первые организованные акты насилия Третьего рейха по отношению к евреям Германии и Австрии. Это акцентирует невозможность демократии и свободы без политики последовательного антисемитизма, с одной стороны, выделяя важнейшие социальные ценности современной Германии, с другой – проясняя позицию политика по отношению к ним.

Борис Джонсон: «Very sad to hear the news of Margaret Tebbit's death. She was a brave woman who showed enormous fortitude in her suffering after *the 1984 Brighton bombing*. My thoughts are with Norman and their family at this difficult time». («Очень печально слышать известие о смерти *Маргарет Теббит*. Она была храброй женщиной, которая проявила огромную стойкость в своих страданиях после *взрыва в Брайтоне в 1984 г.* Мои мысли сейчас с *Норманом* и его семьей»). Б. Джонсон ссылается на потрясшее Англию прецедентное событие: 12 октября 1984 г. в Гранд-отеле Брайтона Ирландской республиканской армией было совершено покушение на жизнь премьер-министра Маргарет Тэтчер и членов ее кабинета. Сама Тэтчер по счастливой случайности не пострадала, но несколько человек, связанных с Консервативной партией, были убиты или ранены, в том числе и английская медсестра Маргарет Теббит, парализованная ниже груди и всю оставшуюся жизнь прикованная к инвалидному креслу. Ее муж Норман Теббит, в то время государственный секретарь по торговле и промышленности, все время ухаживал за женой, оставив политическую карьеру. Уход из жизни в 2020 г. женщины, уже давно не представлявшей ни политического, ни какого бы то ни было иного интереса, Джонсон использует для актуализации английских ценностей – демократии, стойкости, верности, для чего и обращается к событиям 16-летней давности. Ссылка на прецедентное событие здесь очень важна, поскольку позволяет подчеркнуть, что национально-культурные ценности – это не абстракции, а реальные регуляторы поведения людей, имеющие, следовательно, большое значение для существования этноса и государства.

«10 years on from the historic *Lancaster House Treaties*, the UK's defence and security partnership with France is stronger than

ever. We are neighbours and natural allies, and together we work every single day to make the world a safer place». («Спустя 10 лет после исторических договоров Ланкастер-хаус партнерство Великобритании в области обороны и безопасности с Францией стало сильнее, чем когда-либо. Мы – соседи и естественные союзники, и вместе мы работаем каждый божий день, чтобы сделать мир более безопасным»). Упоминание о Ланкастерских договорах, заложивших крепкую основу долговременных отношений партнерства между двумя странами в области сотрудничества вооруженных сил, делает современные мероприятия в этой сфере важными и оправданными, придает дополнительную значимость деятельности политиков, подчеркивает ее целесообразность и целенаправленность и в целом для электората создает ощущение стабильности политической жизни общества.

*Включение в текст
количественных и статистических данных*

Сергей Миронов: «Правительство не израсходовало за 2020 г. **4 триллиона рублей – шестую часть бюджета**. Из этих средств можно и нужно выплатить 13-ю зарплату, 13-ю пенсию и 13-ю стипендию и сделать это после новогодних каникул, когда у людей будет гулять ветер в карманах». С. Миронов использует количественные данные как прием повышения объективности и аргументированности своей позиции, согласно которой необходимо распределить неиспользованные бюджетные средства среди населения. Это позиция безусловно популистская, но она органична и последовательна для деятельности цитируемого политика. Наряду с количественными данными С. Миронов употребляет и средства эмоционально-экспрессивного воздействия на электорат: это лексический повтор, актуализирующий представление о социально важном явлении – дополнительной зарплате, и использование фразеологизма *гуляет ветер в карманах* с целью экспрессивного представления о полном отсутствии денег у населения.

На первый взгляд, та же функция у количественных данных в речи Сары Вагенкнехт. Но она пишет не о единовременной акции, а об увеличении регулярного пособия по безработице. При этом тоже используются и абсолютные цифры, понятные для массового читателя, и процентное соотношение прибавок по сравне-

нию с имеющимися доходами: «Kurzarbeit steigt im Januar um **20%**, doch Geringverdiener können nicht einfach auf **23–40 Prozent** des Lohns verzichten. GroKo muss das #Kurzarbeitergeld auf das Niveau des Kinderkrankengeldes (**90%**) anheben & Mindest-Kurzarbeitergeld von **1200 €** einführen». («Неполная занятость увеличивается на 20% в январе, но малообеспеченные люди не могут просто отказаться от 23–40 процентов заработной платы. GroKo должен поднять пособие частично безработным до уровня детского пособия (90%) и ввести минимальные пособия в размере 1200€¹»).

Приведенные цифры не только демонстрируют компетентность политика в важнейшей социальной проблеме, но и подчеркивают вовлеченность Вагенкнехт в ее *решение*, хотя на деле рядовые представители электората, как правило, не владеют ведомственной статистикой и реальными количественными показателями финансовой деятельности государства. Однако это не мешает им с большим доверием относиться к высказываниям, опирающимся на такие данные, т.е. подвергаться манипулированию со стороны политиков. Этот прием можно назвать универсальным, поскольку он используется всеми политиками независимо от национально-культурной специфики того или иного государства, поскольку опора на точные цифры в глазах любого народа является способом представления объективности и точности позиции говорящего.

Профилирование манипулятивных паттернов политиков

Результаты количественного анализа представлены на рис. 1. Как показывает диаграмма, каждый политик в той или иной степени использует разные приемы манипулирования информацией, как трансформацию, так и селекцию, предпочитая вполне определенные в силу индивидуально-психологических особенностей и характера политической деятельности. Например, Борис Джонсон чаще использует селекцию информации (10,2%) и практически никогда – трансформацию (0,6%). Сара Вагенкнехт отдает предпочтение трансформации (9,0%) и в малой степени использует

---

¹ GroKo – Große Koalition (Большая коалиция – так в странах парламентской многопартийной системы правления называются коалиционные правительства, сформированные двумя крупными или крупнейшими политическими партиями страны).

селекцию (3,2%), а Джем Оздемир использует разные виды манипуляции практически одинаково: 40,2% и 38,0%.

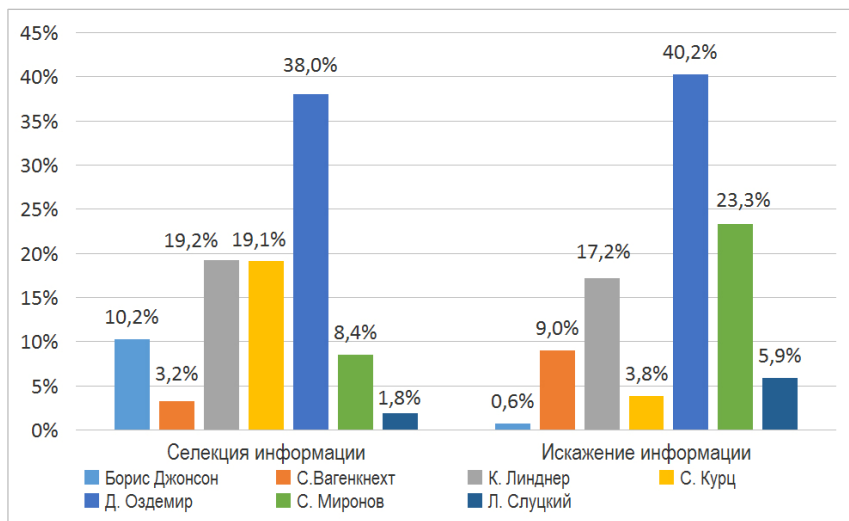

Рис. 1. Количественный анализ манипулирования информацией в личных блогах

Соотношение изучаемых средств речевого манипулирования между собой в рассматриваемых блогах политиков представлены на рис. 2–3.

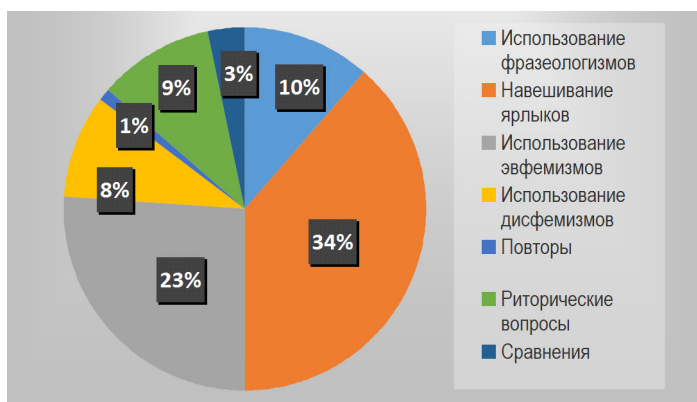

Рис. 2. Количественное соотношение речевых приемов трансформации информации

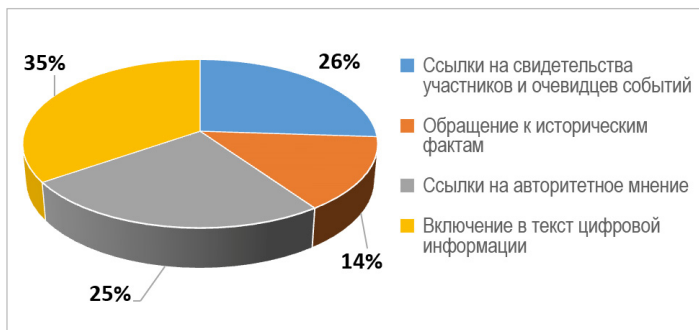

Рис. 3. Количественное соотношение речевых приемов селекции информации

Заключение

На основе полученных данных, в том числе количественных, можно сделать вывод о том, что основной тенденцией манипулирования является трансформация информации (рис. 1). Согласно рис. 2, придумывание отрицательно характеризующих прозвищ и иных номинаций (34%), использование эвфемизмов (23%), использование фразеологизмов (10%) занимают центральное место в речевых приемах политиков. В речевых приемах селекции информации более частотны включение в текст количественной и статистической информации (35%), а также ссылки на свидетельства участников и очевидцев событий (26%).

Несмотря на то, что вербальная манипуляция является постоянным объектом лингвистических и смежных с языковедческими исследований, изучение ее функционирования в Сети остается актуальным. Это связано с: 1) междисциплинарным характером предмета исследования; 2) смешением различных способов воздействия в речевых практиках; 3) отсутствием в лингвистике общепризнанных принципов выделения и классификации средств и приемов манипуляции; 4) низкой информированностью населения относительно природы и форм манипуляции, а также с незнанием существующих технологий манипулирования, что расширяет границы манипулятивного воздействия и не способствует формированию общества, осуществляющего активную и целенаправленную деятельность по защите своих прав, свобод, интересов.

Список литературы

- Беляева И.В.* Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 40 с.
- Дубиц Кузнецова Е.* Не поддавайтесь панике, друзья // Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2017/03/18/5198>
- Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста. – М. : МедиаМир, 2008. – 244 с.
- Кобрин Н.В.* Особенности политического медиадискурса «Твиттера» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – Вып. 12–2(54). – С. 94–99. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25521878>
- Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. – 4-е изд., испр. – М. : ФЛИНТА, 2012. – 170 с.
- Михайлов Л.М.* Коммуникативная грамматика немецкого языка. – М. : Высшая школа, 1994. – 252 с.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. – М. : Олма МедиаГрупп, 2007. – 784 с.
- Пицальникова В.А.* Цифровое информационное пространство как среда специфического знакообразования // Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова : материалы конференции. – Ярославль : ЯрГУ, 2018. – С. 196–201.
- Романов А.А.* Политическая лингвистика: функциональный подход. – М. ; Тверь : ИЯ. РАН : ТвГУ, 2002. – 191 с.
- Синельникова Л.Н.* Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4(30). – С. 41–47.
- Словарь социолингвистических терминов. – Москва, 2006. – 312 с. – URL: https://iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf
- Современные PR-технологии работы в Интернете: новые медиарелейшнз, продвижение интересов ведомства в блогосфере и социальных сетях / *Чумиков А.Н., Бочаров М.П.* и др. – Рязань : Объединенная редакция МЧС России, 2011. – 520 с.
- Тихонова С.А.* Политическая лингвистика. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2012. – 131 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. Ф.И. Федорова. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с. – URL: <https://phraseology.academic.ru/9666>
- Фразеологический словарь русского литературного языка. – URL: <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com/7659не%20с%20руки>
- Цуладзе А.М.* Политические манипуляции, или Покорение толпы. – Москва : Университет, 1999. – 128 с.
- Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 254 с.
- Чудинов А.П.* Современная политическая коммуникация. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2009. – 292 с.
- Шейгал Е.И.* Семантика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2000. – 431 с.
- Эвфемизм // Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т.Ф. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D1%8D/%D1%8D%D0%B2%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А.П. Сквородникова. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2012. – 882 с.

References

- Belyaeva, I.V. (2009). *Fenomen rechevoj manipulyacii: lingvouridicheskie aspekty*. Unpublished doctoral thesis. Rostov-on-Don.
- Dubits Kuznetsova, E. (2017). *Ne poddavaytes panike, druziya*. Retrieved from: <https://stihi.ru/2017/03/18/5198>
- Klushina, N.I. (2008). *Stilistika publicisticheskogo teksta*. Moscow: MediaMir.
- Kobrin, N.V. (2015). Osobennosti politicheskogo mediadiskursa «Tvitterra». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 12–2(54), 94–99. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25521878>
- Kopnina, G.A. (2012). *Rechevoe manipulirovanie*. 4th ed. Moscow: FLINTA.
- Mihajlov, L.M. (1994). *Kommunikativnaya grammatika nemeckogo yazyka*. Moscow: Vysshaya shkola.
- Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. (2007). *Bolshoj slovar russkikh pogovorok*. Moscow: Olma MediaGrupp.
- Pishchalnikova, V.A. (2018). Cifrovoe informacionnoe prostranstvo kak sreda specificheskogo znakoobrazovaniya. In: *Filologicheskie chteniya: materialy konferencii. YArGU* (pp. 196–201). Yaroslavl: YArGU.
- Romanov, A.A. (2002). *Politicheskaya lingvistika: Funkcionalnyj podhod*. Moscow; Tver: IYA RAN, TvGU.
- Sinelnikova, L.N. (2009). Politicheskaya lingvistika: koordinaty mezhdisciplinarnosti. *Politicheskaya lingvistika*, 4(30), 41–47.
- Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* (2006). Moscow. Retrieved from: https://ilingran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf
- Fedorov, F.I. (ed.) (2008). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Astrel, AST.
- Tihonova, S.A. (2012). *Politicheskaya lingvistika*. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta.
- Culadze, A.M. (1999). *Politicheskie manipulyacii, ili pokorenie tolpy*. Moscow: Universitet.
- Chudinov, A.P. (2009). *Sovremennaya politicheskaya kommunikaciya*. Ekaterinburg: Uralskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet.
- Chudinov, A.P. (2006). *Politicheskaya lingvistika*. Moscow: Flinta; Nauka.
- Chumikov, A.N., Bocharov, M.P. et al. (2011). *Sovremennye PR-tehnologii raboty v internete: novye mediarilejshnz, prodvizhenie interesov vedomstva v blogosfere i socialnyh setyah*. Ryazan: Obedinnennaya redakciya MCHS Rossii.
- Shejgal, E.I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Unpublished dissertation. Volgograd.
- Skvorodnikov, A.P. (2012). *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik*. Krasnoyarsk: Izd-vo Sibirskogo federalnogo universiteta.

Frazeologichesky slovar russkogo literaturnogo yazyka. Retrieved from: <https://rusphraseology-dict.slovaronline.com/7659не%20с%20пыки>

Evfimizm. Tolkovyj onlian-slovar russkogo yazyka Efremovoy T.F. Retrieved from: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/%D1%8D/%D1%8D%D0%B2%D1%84%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

Etimologichesky onlain-slovar russkogo yazyka Maksa Fasmera. Retrieved from: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

Джихия Л.О.

**Новые речевые практики Интернета
как способ формирования агрессивного типа личности***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, larisa.dzhikiya@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию приемов вербальной агрессии на примерах речевого материала, используемого в шоу «Прожарка». Представленный в работе системный подход к исследованию вербальной агрессии позволил выявить основные сущностные стороны данного явления: установить истоки, определить причины, оценить степень опасности, а также выделить и описать агрессивные компоненты, используемые в этом шоу. Описаны и детально проанализированы основные средства, используемые для выражения вербальной агрессии.

Ключевые слова: вербальная агрессия; агрессивность; деструктивное коммуникативное поведение; причины вербальной агрессии тактики вербальной агрессии.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Джихия Л.О., 2021

Dzhikiya L.O.

**New speech practices of the Internet
as a way of forming an aggressive personality type***

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, larisa.dzhikiya@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of verbal aggression techniques using the examples from the show «Roast». The systematic approach to the study of verbal aggression presented in the work made it possible to identify the main aspects of this phenomenon: to establish the origins, determine the causes, assess the degree of danger, as well as to identify and describe the aggressive components used in this show. The main means used to express verbal aggression are described and analyzed in detail.

Keywords: verbal aggression; aggressiveness; destructive communicative behaviour; causes of verbal aggression; tactics of verbal aggression.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Под влиянием изменений в социально-экономической и политической сферах общества и развития цифровых технологий в последние два десятилетия наметились очевидные тенденции изменения восприятия человеком окружающего мира и пересмотра значительной части нравственных ориентиров и ценностных установок. В эпоху постмодернистского общества постепенное упрощение и даже упразднение *первой* (физической) реальности, размывание границ между ней и виртуальной реальностью становятся все более активными. Виртуальная реальность превращается в новую сферу существования человека, одной из форм которой является современное цифровое информационно-коммуникативное пространство, создаваемое телевизионными, компьютерными, 3D и другими технологиями. Виртуальная реальность привлекает психологическим комфортом, обусловленным возможностью ано-

---

* © Dzhikiya L.O., 2021

нимности, необязательности соблюдения норм личностной коммуникации, ее необременительностью для собеседников, могущих всегда и без объяснений прекратить общение, отсутствием влияния территориальной удаленности, неопределенности локуса коммуникантов и игровым началом общения [Кобызева, 2010].

В настоящей статье исследуется тенденция популяризации осознанной вербальной агрессии в Сети как одного из способов скрытого влияния определенных структур социума на массового потребителя Интернета.

Общение является неотъемлемым компонентом социальной жизнедеятельности каждого человека, обеспечивающим успешную социализацию личности [Сергеева, 2011]. Отсутствие общения препятствует интеграции индивида в социум, часто свидетельствуя и о психических особенностях, не позволяющих осуществлять полноценную коммуникацию. В современных реалиях опыт общения зачастую оказывается травмирующим, а сама коммуникация – деструктивной. Такая тенденция усиливается вследствие распространения в СМИ и Интернете специфического типа общения, в котором доминирует эмоциональное начало, целенаправленно перерастающее в несдержанность и затем – в вербальную агрессию [Новикова, 2018].

Деструктивное общение имеет довольно широкий круг определений, одним из которых является предложенное В.Н. Куницыной: это «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» [Куницына, 2011, с. 389–390]. Многие психологи разделяют мнение о том, что под деструктивным общением также следует понимать так называемый психологический садизм [Волкова, 2012].

Актуальность исследования феномена вербальной агрессии объясняется ростом социального напряжения, восприятием агрессивной модели общения как одной из приемлемых, популяризацией речевого насилия в СМИ, как следствие – снижением уровня речевой культуры, жаргонизацией речи. Речевая агрессия в рамках межличностного конфликта – это форма речевого поведения, цель которого – оскорбить, подчинить коммуниканта своей воле или преднамеренно причинить вред человеку, группе людей или обществу в целом [Щербинина, 2013]. При этом агрессивный адресант часто желает поддержать или вызвать агрессивное состояние адресата. Именно поэтому речевая агрессия считается нарушением этико-речевой нормы поведения.

Если отмеченная тенденция и дальше будет развиваться, то можно предположить, что вербальная агрессия может стать нор-

мой повседневного общения, по крайней мере в определенных молодежных группах, а немотивированная агрессивность – одной из основных черт современного поколения. Принцип «я – хозяин положения, мой собеседник жертва, моя задача любыми средствами доказать и продемонстрировать ему это», который долгое время сдерживали морально-этические нормы, направленные на взаимовежливую коммуникацию, быстро распространяется через СМИ и Интернет, где внедряется мысль, что только повышенная и демонстрируемая агрессивность может сделать коммуникативный процесс прагматически значимым [Волкова, 2012].

Вербальная агрессия в нашем обществе стала активно развиваться под влиянием следующих факторов: 1) резкая отмена жесткой советской цензуры СМИ, в результате чего большое количество «непрофессионалов» начали работать в сфере радио и телевидения; 2) либерализация общественных отношений, 3) приведших к изменениям массмедийного курса; 4) компьютеризация общества и постепенное формирование принципа вседозволенности в рамках виртуального общения [Ениколопов, Чудова, 2017]. А.В. Юревич представил некоторые результаты исследования изменения в типовом психологическом облике граждан РФ с 1981 по 2011 г., отметив повышение уровня агрессии в коммуникации, превосходящий таковой в США и ряде стран Западной Европы и проявляющийся в меньшей терпимости, усилении конфликтности и несдержанности – вообще в восприятии окружающей среды как опасной и враждебной [Юревич, 2014].

Высокий уровень агрессии в обществе объясняется формированием новой системы ценностей, когда границы прежних моральных норм либо размыты, либо утрачены, а новые еще не сформировались; «моральное бездорожье» характеризует современное российское общество [Чудова, Ениколопов, 2012]. Среди самых активных социальных факторов, генерирующих общее состояние тревоги, переходящей в агрессию, С.Н. Ениколопов называет воздействие СМИ: агрессивность внедряется в повседневное общение через новостные передачи, многочисленные ток-шоу, демонстрирующие семейные скандалы, низкопробные юмористические передачи, основной целью которых является шокирование слушателей и зрителей через явное или плохо скрываемое оскорбление, и т.п. [Ениколопов, Кузнецова, Чудова, 2011]. Таким образом, вербальная агрессия легитимизируется, формируя новую норму коммуникации: готовность аудитории к различным проявлениям агрессии. Агрессивное поведение постулируется одним из самых эффективных

способов защиты своего собственного Я от социальной среды, воспринимаемой как источник тревоги, опасности, агрессии.

Все представленные факторы в целом провоцируют популярность передач типа «прожарка», основная неафишируемая цель которых – распространение самых агрессивных вербальных и поведенческих способов отторжения любой позиции коммуникантов даже в том случае, когда позиция Я не определена и не выражена. Как правило, такие способы и приемы предполагают и прямое вербальное оскорбление.

Определение понятия «агрессия»

Феномен агрессии как сложного психофизиокоммуникативного феномена исследуется учеными в разных гуманитарных науках, поскольку мотивы ее проявления всегда различны, а формы воплощения разнообразны. А. Басс пишет: «вербальная агрессия – это выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятие, ругань)» [Buss, 1998]. Добавим, что агрессия – это экспрессивное выражение негативных эмоций индивида, «противоречащее институциональным и ситуативным нормам коммуникации, с целью нанесения вреда или ущерба коммуникативной позиции и самооценке другого лица» [Якимова, 2010, с. 266–270]. Однако крик и визг – это не всегда выражение агрессии, а ругань, скорее – форма речевой деятельности. Обычно выделяют два основных аспекта вербальной агрессии: внешний (формальный), включающий словесное оформление агрессивных высказываний с помощью лингвистических и паралингвистических средств; внутренний (содержательный) аспект, исследующий дискурсивные характеристики агрессивных высказываний, их тематику, содержание, цели [Infante, Chandler, Rudd, 1989]. В «прожарках» представлены оба аспекта.

Проявления вербальной агрессии в современных комедийных шоу

Согласно данным исследования «Российский медиаландшафт – 2020», телевидение является основным источником получения информации для большинства россиян, продолжает расши-

ряться использование интернет-источников и социальных сетей, а самые популярные темы просматриваемых в Интернете видеороликов – фильмы и кино (43%), новости в России и мире (38%) и юмор, развлечения (34%). Среди респондентов возрастной группы 18–24 лет категория «Юмор» является первой по популярности, в группе 25–39 лет – второй: молодежь является основной целевой аудиторией создателей юмористического контента [Левада-Центр]. Используя этот интерес, создатели контента целенаправленно внедряют агрессивный юмор как речевую норму, побуждают зрителей переносить модели поведения, отражающие намеренное вербальное насилие, на повседневное общение, внедряя мысль о том, что применение речевой агрессии вполне допустимо при определенных разрешающих или вынудивших к тому условиях [Кинореporter, 2018].

Последние три года в Сети и на ТВ становятся популярными передачи в формате «прожарка» («Прожарка» на телеканале ТНТ4, шоу «Что было дальше?», «Roastbattle» на Youtube-канале LABELCOM, «ROAST BATTLE» и «Прожарка» на Youtube-канале Stand-up club#1), основной чертой которого является деструктивный тип общения участников. Передача носит развлекательный характер и популярна среди молодежи. В ходе передачи комики должны шутить над соперниками или гостями максимально смешно и остро, но на деле такая установка реализуется в оскорблениях. В передаче очевидны признаки коммуникативного садизма – «сознательного и планомерного нанесения вреда личности партнера по коммуникации посредством использования соответствующих вербальных и невербальных компонентов коммуникации с целью получить моральное удовлетворение от осознания собственного превосходства» [Волкова, 2012].

Шоу «прожарка» является исконно американским комедийным форматом шоу, основная цель которого – высмеять приглашенного гостя («прожариваемого») участниками шоу («прожарщиками»). Этот жанр берет свое начало в 1950-х годах, однако пика своей популярности он достиг в начале 2000-х, когда компания Comedy Central начала выпускать свое собственное шоу Comedy Central Roast. Передачи выпускались с периодичностью примерно две программы в год, но пользовались широкой популярностью среди зрителей из-за знаменитых участников шоу, среди которых были Памела Андерсон, Алек Болдуин, Роберт де Ниро, Джастин Бибер, Снуп Догг, Кейтлин Дженнер, Джеймс Франко, Джеф Росс и многие другие звезды первой величины. Не ограниченные рамками приличий оскорбительные

шутки из уст приглашенных знаменитостей и комиков в адрес героя вечера каждый раз вызывали восторг публики.

В России «прожарка» активно развивается с 2017 г. на Youtube-канале StandUp Club № 1. Помимо «прожарок» появляются передачи, перенимающие их основные приемы (колкости, насмешки, оскорбления, критику внешности), в которых табуированные темы отсутствуют, комики могут издеваться над гендером, расой, внешностью, физическими недостатками, увечьями (отсутствие руки), болезнями. Такие программы сотрудничают с крупными брендами, что указывает на их коммерческую выгоду. Кроме того, авторы программ заранее согласуют представленный тип поведения с приглашенными и постоянными «прожарщиками», т.е. целенаправленно его пропагандируют. При этом создатели программ утверждают: 1) «прожарки» позволяют показать, что «звезды» являются такими же людьми, как простые зрители, и над ними можно посмеяться в любой форме; 2) программы формируют навык самоиронии и способность словесно постоять за себя у целевой аудитории [Кинорепортер, 2018].

В двух из трех передач принцип идентификации индивида с агрессором представляется очевидным. В качестве «прожарщиков» выступают молодые неизвестные комики, примерно того же возраста, что и целевая аудитория передач. Акцентируется, что «прожарщиком» может быть человек самоироничный, уверенный в себе и не теряющий самообладания. На деле создателям «прожарок» и их участникам нет дела до зрителей: в передачах, превратившихся в «междусобойчики» медийных лиц по значимым для них поводам, они реализуют стратегию самопрезентации. Обладая острым умом, участники шоу не могут не понимать, что они несут своими передачами, какие ценности. Следовательно, изначально распространение таких передач вызвано не какими-то благими намерениями, а обусловлено тем, что (1) владельцы каналов намеренно разрушают нормы морали, базовые ценности общества и внедряют новые, устраивающие их и превращающие целевую аудиторию (по А. Тойнби) в массу, имитирующую внешнюю, агрессивную сторону поведения своих кумиров; (2) при этом продюсеры, создатели и участники руководствуются коммерческими интересами.

Одновременно в информационном пространстве постоянно демонстрируются *позитивные последствия* агрессивного поведения или отсутствие наказания за агрессивное поведение, приводятся примеры оправданной агрессии или преследующей благород-

ную цель: участники не желают нести ответственность за последствия своих действий, ведь для них это способ оставаться популярными и, как следствие, зарабатывать с помощью высоких рейтингов и рекламы. Юморист А. Бебурешвили, часто принимающий участие в «прожарках», на вопрос ведущей, осознает ли он, что с течением времени та модель речевого поведения, которую пропагандируют в «прожарках», может перейти в повседневную коммуникацию, возразил, что такого рода шоу, наоборот, способствуют эмоциональной разрядке зрителей, а также сравнил такой вид развлечения с просмотром поединков на ринге. По его мнению, они дают именно то, что требуют зрители, – «зрелище» [Андрей Бебуришвили о ...]. Более того, версия «прожарки», представляемая каналом Labelcom, является конкурсом на то, кто смешнее оскорбит соперников. В результате соревнования победитель получает денежный приз.

По нашему мнению, «прожарки» многочисленны, разноплановы и частотны, маскируются под словесную игру и неосознаваемо для потребителя СМИ формируют определенные ментальные модели поведения, которые потом воплощаются в реальности. Значительной частью целевой аудитории являются подростки, не обладающие ни зрелым сознанием для осуществления полного самоконтроля, ни сформированными нормами поведения. Именно эта возрастная группа, не задумываясь, перенимает манеру поведения своих кумиров и начинает активно использовать ее вне рамок игры в повседневной жизни. Это прямой путь к формированию общества с высоким порогом вербальной агрессивности. Кроме того, такие передачи являются катализатором для усиления физической агрессии, постоянного буллинга или абьюзивно-токсичных отношений с окружающими [Ениколопов, Чудова, 2017].

Целенаправленность социальной деятельности создателей исследуемых передач проявляется и в том, что в них участвуют одни и те же комики, в качестве гостей чаще всего появляются узнаваемые «звезды» Comedy Club и Stand-Up на ТНТ. В качестве «прожарщиков» на передачах, спонсируемых ТНТ («Прожарка на ТНТ4» и Roast Battle Labelcom), выступают комики, уже часто выступавшие в Standupclub № 1. Это свидетельствует о том, что комиков в данном случае привлекает не сам «новый» формат прожарки и развитие каких-либо новых способностей, а возможность быстрее стать популярными, узнаваемыми, много зарабатывающими медийными лицами, для которых нет других принципов, кроме «деньги не пахнут».

Продюсеры развлекательных телеканалов осознают, что возраст целевой телеаудитории растет, а представители молодого поколения предпочитают приложение Youtube телевидению, поэтому они финансируют различные Youtube-шоу. По сути, приглашаются популярные на телеканалах медийные лица, используются уже известные способы воздействия, отработанные еще в телевизионных форматах, меняется лишь форма их технического воплощения посредством Интернета.

Актуальные приемы использования вербальной агрессии

Для того, чтобы доказать, что участники шоу используют именно приемы вербальной агрессии, далее мы проведем анализ высказываний «прожарщиков» из выпусков американской и русской версий «прожарок» и представим их основные коммуникативные тактики.

Тактики возмущения

К.Ф. Седов отмечал, что тактика возмущения чаще всего применяется в начале спора, когда эмоции особенно сильны [Седов, 2007] и на лексическом уровне реализуется в использовании эмоционально-экспрессивных междометий, фамильярных обращений, просторечной лексики; на синтаксическом – посредством неполных предложений разной степени экспрессивности, показывающих нежелание вступить в полноценный диалог; для выражения эмоционального негативного содержания речи используются и разные просодические средства. Например: *Паша ведет Импровизацию, Comedy, «Comedy Battle», «Песни», поет, читает стихи, у него своя линия одежды, он собирает Crocus, рекламирует сухарики. На что ты б£\$%^ копишь?*¹ (Прожарка Павла Воли. 01.10.2019). Такая тактика применяется в начале выступления, провоцируя реальный конфликт: по нашим наблюдениям, тактика возмущения передается посредством обценной (непристойной, табуированной) лексики, фамильярного обращения, общей повышенной тональностью речи.

---

¹ Примеры приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

Тактика упрёка

Эта тактика применяется лишь теми участниками, которые были знакомы с гостем до момента записи передачи, и используется в качестве начала к шутке, как правило злой, и может возникать на любой стадии провоцируемого конфликта. Условный собеседник ставится в позицию «отчитываемого», с ним обращаются покровительственно. На основе упрёка строятся последующие снисходительные «нравоучения». Тактика упрёка является наиболее личностной, так как основана на опыте реального общения и эмоционально воспринимается аудиторией как достоверная. При этом речь намеренно строится как спонтанная разговорная, употребляется та же стилистически сниженная лексика, в том числе жаргонная и грубая (сф\$, хаваает, офигенно, классный, наезжать) личность героя намеренно принижается (лицо стервятника), он изображается в неприглядных ситуациях.

Я вам расскажу, я понимаю, почему Азамат тут. У нас с ним был небольшой конфликт в свое время, расскажу все как есть. Мне позвонили с ТНТ, сказали: «Можешь запустить программу “Где логика?”, у нас никак не складывается пилотный выпуск». Я пришел, провел пилотный выпуск, мне сказали: «Просто офигенно, давай. Скоро приступим к основным съемкам. Иди проведи несколько выпусков “Импровизации”». Я провел несколько выпусков «Импровизации», возвращаюсь вести «Где логика», а там Азамат. Ну ладно, давайте отвлечемся. В тот день еще произошла одна классная история. Я думаю, ну, не буду расстраиваться, пошел в ресторан, заказал себе лобстера, не доел его, отошел в туалет, возвращаюсь, смотрю моего лобстера хаваает Азамат. Ну, на самом деле я не буду на тебя наезжать, ты классный парень, у тебя тоже есть дети, мы все отцы и выкручиваемся для своих семей, как можем. Я вот недавно со своими смотрел “Король Лев”, с Робертом вместе. Помнишь, там момент, где Шрам убивает Муфасу, и вокруг него кружат такие стервятники. Я смотрю, сф\$, у одного лицо Азамата (Прожарка Павла Воли. 01.10.2019); см. также: И теперь самая важная тема для меня. Я был в КВН тоже, и я играл в финале Высшей лиги, и Семен судил эту игру и поставил в последнем конкурсе моей команде 3, и мы заняли второе место, и выиграла команда Азамата Мусагалиева. А мы заняли второе место из-за оценки Семена... Г^&*% ушастое, ты понимаешь, что ты мне жизнь испортил?

Тактики насмешки

Часто такой вид тактики реализуется с помощью просодических элементов, в частности интонации, и строится на основе иронии, создаваемой разными языковыми средствами: «*Встречайте человека, который начал унижать людей еще до того, как это начал делать пенсионный фонд, “гламурный подонок” в прошлом и “я люблю тебя, Лясечка” в настоящем, ну и, наконец, динозавр юмора, чей скелет до сих пор бренчит костями в молодежной передаче, Павел Воля!*» (Про жарка Павла Воли. 01.10.2019). Здесь используется скрытое осуждение под видом похвалы: дается уничижительная характеристика личности (унижает людей, гламурный подонок, состарившийся юморист, претендующий на общение с молодежью, уничижительное отношение к выполняемой герою работе).

Тактика колкости

Эта тактика имеет внешне нейтральную форму, здесь, за исключением фамильярного обращения, не используется сниженная лексика, но содержание высказывания противоположно форме, а потому оскорбительно.

Джиган столько раз был в Камеди, что он больший резидент, чем Бебурешвили, хотя у Бебурешвили такие проблемы с речью, что он больше Джиган, чем Джиган (Про жарка Слепакова. 04.11.2019). Колкость касается сразу двоих и строится на негативной характеристике творческой деятельности репера Джигана.

Скоро зима, люди меняют шины, но я тебе, Илюх, не советую это делать, потому что ты и так слишком часто переобуваешься в интервью (Про жарка Слепакова. 04.11.2019). Говорящий задевает ведущего в постоянной конъюнктурной смене позиции, унижая его достоинство.

Тактика демонстрации обиды

Эта тактика априори противоречит формату шоу и потому используется крайне редко: в шоу отсутствует спонтанное речевое взаимодействие (и это еще один показатель его целенаправленно-

сти), импровизации крайне редки, выступления заранее подготавливаются комиками и командой авторов, и потому демонстрация участником обиды на оскорбления воспринимается как слабость, неуверенность в себе. *Юра, смотри, ты меня перебивал? Перебивал. Получаем жесткую шутку, правильно? Так это работает* (Про жарка Юрия Дудя. 25.12.2018).

Тактика злопожелания / отсыла

По мнению К.Ф. Седова, тактика злопожелания и отсыла имеет архаические корни, восходит к черной магии и является одной из самых распространенных в современной речи как один из самых эффективных способов показать собеседнику свое отношение: *В одном из выпусков А. Бебурешвили пошутил, что у комика без руки С. Деткова в паспорте в графе «пол» написано – руки. В следующем выпуске С. Детков сказал, что у А. Бебурешвили в графе «пол» написано: «Пошел ты на,%:..»* (Про жарка Слепакова. 04.11.2019). В примере представлено недопустимое речевое поведение, оскорбляющее героя обращением внимания на его физический недостаток и употреблением обсценной лексики.

Тактика прерывания коммуникативного контакта

Этот вид тактики не используется в данном шоу по причине отсутствия как такового коммуникативного контакта, как уже говорилось ранее, оскорбления используются участниками ради самого процесса унижения. Единственный возможный вариант прерывания коммуникативного акта – отказ от участия в подобно-го рода проектах.

В целом любая представленная тактика, за исключением демонстрации обиды, содержит оскорбление разной степени выраженности.

По классификации Ю.В. Щербининой [Щербинина, 2013], вербальная агрессия в «прожарке» чаще может быть охарактеризована как явная (открытая) и непереходная, так как отсутствует диалог и коммуникативный контакт в обычном понимании, по числу участников эта агрессия социально-замкнутая, но может перерасти в массовую.

Выводы

Многие участники и создатели шоу в жанре «прожарка» настаивают на том, что их проекты не популяризируют вербальное агрессивное поведение. Однако в ходе анализа речевого материала «прожарок» было выявлено, что речевая деятельность участников проектов демонстрирует модели жесткого агрессивного вербального поведения. Изучение рынка исследуемых передач показывает, что популярными становятся лишь проекты, спонсируемые продюсерами телеканалов, основной целью которых является привлечение молодежной аудитории, в среде которой моральные и иные ценности и поведенческие стереотипы только формируются.

Список литературы

- Андрей Бебуришвили о Пако, ориентации, дикпиках, девушках на ночь и шоу «Холостяк» // А поговорить? – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P6OjXznDQa0&t=2123s>
- Волкова Я.А.* Деструктивное общение: к определению понятия // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/destruktivnoe-obschenie-k-opredeleniyu-ponyatiya>
- Ениколопов С.Н., Чудова Н.В.* Агрессивность и имплицитная теория насилия // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 2. – С. 18–26. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29823182>
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Когнитивные факторы агрессии и каузальная атрибуция агрессивности // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-factory-agressii-i-kauzalnaya-atributsiya-agressivnosti>
- Кинореporter, «Прожарка» по-русски. – 2018 – URL: <https://kinoreporter.ru/prozharka-po-russki/>
- Кобызева В.О.* Особенности виртуального общения в повседневных коммуникативных практиках молодежи // Современные исследования социальных проблем. – 2010. – № 1. – С. 116–118. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-virtualnogo-obscheniya-v-povsednevnyh-kommunikativnyh-praktikah-molodezhi-2>
- Куницына В.Н.* Деструктивное общение // Психология общения : Энциклопедический словарь. – Москва : Когито-центр, 2011. – С. 389–390.
- Левада-Центр – Российский медиаландшафт – 2020. – URL: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/print/>
- Новикова О.Н.* Игровая деятельность человека в пространстве виртуальной реальности // Социум и власть. – 2018. – № 6 (74). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-deyatelnost-cheloveka-v-prostranstve-virtualnoy-realnosti>

- Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика. – Москва, 2007. – С. 250–277.
- Сергеева Э.А. Социальное взаимодействие как основа построения социальной реальности: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-vzaimodeystvie-kak-osnova-postroeniya-sotsialnoy-realnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz-1>
- Чудова Н.В., Ениколопов С.Н. Агрессивность как базовый компонент пространства восприятия личностных особенностей // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2012. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressivnost-kak-bazovyyu-komponent-prostranstva-vozpriyatiya-lichnostnyh-osobennostey>
- Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – Москва : КомКнига : Форум, 2013. – 400 с.
- Юревич А.В. Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 3. – С. 68–77.
- Якимова Н.С. Вербальная агрессия как компонент речевой деятельности носителя лингвокультурного сознания // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты : материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). – Москва : ИНИОН. РАН : АСОУ, 2010. – Вып. 16. – С. 266–270.
- Buss A.H., Durkee A. An inventory for accessing different kinds of hostility // Journal of Consulting Psychology. – 1998. – N 75(1). – P. 219–229.
- Anderson M.A. Martin M.M. The relationship of argumentativeness and verbal aggressiveness to cohesion, consensus, and satisfaction in small groups // Communication Reports. – 1999. – N 12(1). – P. 21–31. – DOI: 10.1080/08934219909367705
- Infante D.A. Aggressiveness // Personality and interpersonal communication. – Newbury Park, CA : Sage, 1987. – P. 157–192.
- Infante D.A., Chandler T.A., Rudd J.E. Test of an argumentative skill deficiency model of interspouse violence // Communication monographs. – 1989. – N 56. – P. 163–177.

References

- Andrey Beburishvili about Paco, orientation, dickpics, girls for the night and the show «The Bachelor». Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=P6OjXznDQa0&t=2123s>
- Volkova, Ya.A. (2012). Destructive communication: towards the definition of the concept. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, (2), 205–209.
- Enikolopov, S.N., Chudova, N.V. (2017). Aggressiveness and the implicit theory of violence. *Applied Legal Psychology*, (2), 18–26. Retrieved from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29823182>
- Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., Chudova, N.V. (2011). Cognitive factors of aggression and causal attribution of aggressiveness. *Applied Legal Psychology*, (2), 43–58.
- Film reporter, «Roast» in Russian (2018). Retrieved from: <https://kinoreporter.ru/prozharka-po-russki/>

- Kobyzeva, V.O. (2010). Features of virtual communication in everyday communication practices of young people. *Modern Studies of Social Issues*, (1), 116–118.
- Kunitsyna, V.N. (2011). Destructive communication. *Psychology of communication. An encyclopedic dictionary* (389–390). Moscow: Kogito-center.
- Levada Center – Russian Media Landscape-2020. Retrieved from: <https://www.levada.ru/2020/04/28/rossijskij-medialandshaft-2020/print/>
- Novikova, O.N. (2018). Human gaming activity in the virtual reality space. *Society and power*, 6(74). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovaya-deyatelnost-cheloveka-v-prostranstve-virtualnoy-realnosti>
- Sedov, K.F. (2007). Speech aggression and aggressiveness as a feature of a speech portrait. In: *Social psycholinguistics* (250–277).
- Sergeeva, E.A. (2011). Social interaction as a basis for building social reality: socio-philosophical analysis. *Theory and practice of social development*, 5. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-vzaimodeystvie-kak-osnova-postroeniya-sotsialnoy-realnosti-sotsialno-filosofskiy-analiz-1>
- Chudova, N.V., Enikolopov, S.N. (2012). Aggressivnost kak bazovy component prostranstva vospriyatiya lichnostnykh osobennostej. *Teoreticheskaya I Eksperimentalnaya Psikhologiya*, 3. Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressivnost-kak-bazovyy-komponent-prostranstva-vospriyatiya-lichnostnyh-osobennostej>
- Shcherbinina, Yu.V. (2013). *Verbal aggression*. Moscow: KomKniga; Forum.
- Yurevich, A.V. (2014). Manifestations of aggressiveness in modern Russian society as a psychological problem. *Psychological Journal*, 35(3), 68–77.
- Yakimova, N.S. (2010). Verbal aggression as a component of speech activity of a carrier of linguistic and cultural consciousness. In: *The linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects*, 16, 266–270.
- Buss, A.H., Durkee, A. (1998). An inventory for accessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 75, 219–229.
- Anderson, M.A., Martin, M.M. (1999). The relationship of argumentativeness and verbal aggressiveness to cohesion, consensus, and satisfaction in small groups. *Communication Reports*, 12(1), 21–31. DOI: 10.1080/08934219909367705
- Infante, D.A. (1987). Aggressiveness. In: *Personality and interpersonal communication* (pp. 157–192). Newbury Park: Sage.
- Infante, D.A., Chandler, T.A., Rudd, J.E. (1989). Test of an argumentative skill deficiency model of interspouse violence. *Communication monographs*, 56, 163–177.

Заболоцкая М.И.

**Основные тенденции трансформации
интернет-мема***

*Московский государственный лингвистический университет,
Россия, Москва, mizabolotskaya@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния различных компонентов интернет-мема как поликодового текста на сознание пользователей сети Интернет. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием интернет-коммуникации, в которой поликодовый текст становится основным. Интернет как наиболее оперативный источник информации существенно влияет на жизнедеятельность общества, определяет динамику многих социальных процессов. Поликодовые тексты позволяют психологически воздействовать на адресата одновременно с помощью специфически организованных гетерогенных знаков.

Ключевые слова: вербальная манипуляция; невербальная манипуляция; интернет-мемы; трансформация поликодового текста; привлечение внимания.

Поступила: 04.07.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Заболоцкая М.И., 2021

Zabolotskaya M.I.

The main trends in the transformation of Internet-memes*

*Moscow State Linguistic University,
Russia, Moscow, mizabolotskaya@gmail.com*

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the impact that various components of a polycode text in form of the Internet-meme have on minds of Internet users. The relevance of the topic is explained by the rapid development of Internet communication, in which the polycode text is becoming the dominant type of text. The Internet as the most advanced information source has significant affect on the society and its day-to-day life, it determines the dynamic of many social processes. Polycode texts help attain a simultaneous psychological influence on the recipient using specifically organized heterogeneous signs.

Keywords: verbal manipulation; non-verbal manipulation; Internet-memes; the transformation of the polycode text; attention catcher.

Received: 04.07.2021

Accepted: 06.09.2021

Введение

Значительный объем информации общество сегодня получает с использованием Интернета через электронные СМИ, социальные сети, мессенджеры. Информация, полученная онлайн, существенно детерминирует жизнедеятельность общества и динамику многих социальных процессов. Каждое солидное издание имеет свою электронную версию и размещает новую информацию, прежде всего, в ней. Такое широкое использование Интернета как средства распространения информации создает благоприятные условия для манипулирования сознанием интернет-пользователей.

В работе предпринимается попытка установить, как изменение интернет-мемов может оказывать влияние на восприятие информации пользователями сети Интернет, выяснить, с помощью каких средств может осуществляться вербальная и невербальная манипуляция в Интернете, выявить специфичные для интернет-

---

* © Zabolotskaya M.I., 2021

пространства языковые приемы, используемые в манипулятивных целях, и продемонстрировать примеры воздействия интернет-мемов на сознание адресатов.

Виды и способы вербальной манипуляции в Интернете

Для решения поставленных в исследовании задач мы опираемся на определение манипуляции, данное в словаре Т.Ф. Ефремовой: манипуляция – это «система способов и приемов идеологического и психологического воздействия на массовое сознание людей с помощью СМИ с целью внушения им каких-либо идей» [Ефремова, 2000]. Манипуляция в этом смысле предполагает наличие скрытой цели и смысла воздействия, прямое же, явное воздействие на людей не рассматривается как манипулятивное. Любое психологическое воздействие в процессе коммуникации, в том числе манипулятивное, осуществляется с помощью вербальных или невербальных средств. В современной действительности, когда значительная часть коммуникативных процессов перенесена в цифровое коммуникативное пространство, значительно усилилась роль речевых произведений (текстов), совмещающих в себе гетерогенные знаки различных семиотических систем, которые все чаще включаются в коммуникативные процессы, поскольку цифровые технологии способствуют этому [Пищальникова, Сонин, 2021].

Такие тексты принято называть мультимодальными, или поликодовыми. Вслед за В.А. Пищальниковой, мы используем термин «поликодовый текст». «Если в “обычный текст” могут быть включены элементы других семиотических систем, цифровой текст *принципиально* поликодовый, т.е. создается с обязательным использованием знаковых систем разной природы. При его создании автор уже предполагает, что читатель будет опираться на гетерогенные элементы, поскольку они включены в систему репрезентантов доминантного смысла: для автора такие смыслы синкретичны и могут быть представлены только в единой системе разных кодов» [Пищальникова, 2021, с. 36]. Поликодовые тексты в цифровом пространстве позволяют представлять синкретичные смыслы, в том числе эмоциональные, за счет технологического объединения вербальных и невербальных компонентов текста. Как подчеркивает А.Г. Сонин, «человек получает возможность входить в изображение

и совершать в нем желаемые преобразования в реальном времени, т.е. совершать по отношению к изображению уже не только внутреннюю, а внешнюю деятельность. Это позволяет включать в картину мира элементы искусственно созданной среды по тем же механизмам и на том же основании, что и объекты реальной действительности» [Пищальникова, Сонин, 2021, с. 291].

Изначальной целью вербальной манипуляции, как правило, является воздействие на формирование представлений, необходимых продуценту речи, и управление действиями адресата. В прагмалингвистике выделяют, в зависимости от намерений манипулятора, определенные виды вербального воздействия, которые можно спроецировать и на сетевую коммуникацию [Навасартян, 2017, с. 13]:

(1) социальное воздействие как выражение благодарности за еще не сделанную работу: *Заранее благодарю читателей моего блога за поддержку и лайки;*

(2) волеизъявление, частотно распространенное в форме совета или предложения: рекламная деятельность блогеров в социальных сетях, когда реклама товара осуществляется под видом совета, – при этом волеизъявление в форме прямого приказа используется в манипулятивных целях редко;

(3) информирование и разъяснение с целью побудить адресата отказаться от использования товара в пользу другого, побудить к приобретению дополнительных услуг и т.д.;

(4) эмоциональное или оценочное воздействие в новостных блогах манипуляторов в форме насмешливого повествования или выражения мнимого сочувствия героям новостей.

В лингвистической литературе [там же, с. 33] принято выделять три распространенных вида манипуляции информацией: искажение, селекцию и умолчание. Все они используются в Интернете.

Так, разные виды *искажения информации* [там же, с. 37] используются для приукрашивания или очернения определенного физического лица, фирмы или объекта с целью сформировать у адресата определенное отношение к предмету речи. Здесь используется весь арсенал языковых средств: от лексем с негативной коннотацией для дискредитации лица или идеи до различного типа эвфемизмов, вуалирующих описываемое событие. Частотно используются при искажении информации – метафоры, сравнения, различные выразительные синтаксические средства.

Используются разные приемы *селекции информации* [там же, с. 85] для того, чтобы у адресата создавалась видимость объективности информации, но при этом были очевидны необходимые

манипулятору выводы: ссылки на мнение авторитетных личностей, аналогии с историческими фактами, использование цифровой информации.

Умолчание [Навасартян, 2017, с. 131] об определенной информации используется для намеренного игнорирования каких-то фактов или их намеренного частичного освещения.

Специфика вербальной манипуляции в Интернете

Перечисленные выше приемы вербальной манипуляции применяются не только в Интернете, но и в печатных СМИ, социальных и воспитательных дискуссиях, в политической агитации и при создании маркетинговых продуктов. Можно выделить некоторые *технологические приемы*, которые редко применяются в печатных изданиях, но становятся распространенным средством выражения смены эмоционального состояния, подчеркнутого адресантом, или маркером его повышенной эмоциональной напряженности в Интернете и на интегрированных площадках.

Один из них – смена регистра букв со строчных на прописные (*Caps Lock*). Адресатом такой прием воспринимается как актуализация эмоционального состояния продуцента текста, усиление определенной интонации или с целью смыслового выделения фрагмента текста, или как показателя его особой эмоциональной нагруженности [Анисимова, 2003, с. 62]. Сюда же можно отнести использование особых графических шрифтов, вариации размеров и формы которых могут стать средством передачи интонационных характеристик текста, маркером расстановки эмоциональных акцентов и в целом способствовать привлечению внимания к тексту.

Рис. 1

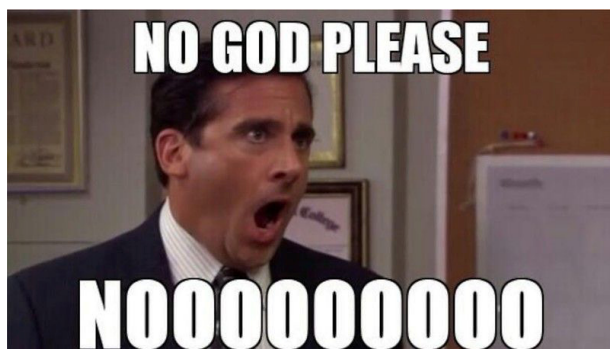

Рис. 2

Приведенными выше на рис. 1 и 2 примерами интернет-мемов являются ставшие вирусными в интернет-пространстве фрагменты сериала «Офис». Изображение, представленное в виде стоп-кадра, на котором персонаж находится в моменте произнесения реплики, и соответствующий комментарий к нему, написанный в регистре Caps Lock, уведомляют реципиента об использовании повышенного тона в коммуникации. Комментарий, написанный полностью заглавными буквами, создает у пользователя сети Интернет впечатление, что на него кричат.

К технологическим приемам относится и использование *хештега* (зарезервированной метки в виде решетки #, которую используют как основной способ поиска в социальных сетях по тематическим ключевым словам), способствуя, казалось бы, быстрому нахождению информации. Но алгоритм использования хештега как средства воздействия заключается в том, что под информационным постом продуцент текста указывает ряд хештегов, имеющих своей целью не облегчить поиск по ключевому слову, а вызвать необходимую эмоциональную реакцию у читателя [Щурина, 2015]. Например, известный блогер Сергей Стиллавин в своих постах регулярно проставляет хештег *#срамота*, который придает отрицательную эмоциональную окраску событиям, описанным в посте, и побуждает читателя к формированию мнения, необходимого автору. При этом в самом посте автор не всегда прямо выражает собственное отношение к описанным фактам, чаще мнимо сочувствуя героям поста. Ироничный хештег *#FirstWorldProblems* (рис. 3) «используется пользователями интернет-пространства в контексте жалоб, выражения недовольства

какими-либо ситуациями в жизни, которые на самом деле являются поверхностными и безосновательными, и сам автор текста понимает это» [Лазарчева, Бойко, 2021, с. 67].

Рис. 3

Технологической спецификой цифрового пространства объясняется и использование *эмотиконов* как способа актуализации определенной информации в коротких текстовых сообщениях в Интернете. Эмотиконы получили особое распространение в Интернете по причине их интернациональности, простоты использования и яркой эмоциональной окрашенности. Эмотиконы различны по своему характеру: от базовых, состоящих из «комбинации двух графических символов..., приобретающих при сопряжении условно-иконический характер», до эмотиконов Восточной Азии, «где сложилась своя развернутая номенклатура комбинаций» [Пищальникова, Сонин, 2021, с. 293].

Как отмечает в своей работе Я.В. Климова, «в 2018 г. возникла новая волна *использования эрративов* в интернет-коммуникации, чаще всего в интернет-мемах» [Климова, 2020, с. 93]. Под эрративами (от *error* «ошибка») понимаются слова или выражения, возникшие в результате нарочитого искажения носителем языка, вполне владеющим литературной нормой и, более того, предполагающим знание читателем нормативной графики и орфографии – в противном случае игровое начало эрратива стирается, он становится просто ошибкой, не имеющей специального эмоционального «заряда» [Пищальникова, Солин, 2021, с. 272]. Эрратив, как правило, создается с целью подчеркивания отрицательной, иронической, саркастической характеристики описываемого.

Рис. 4

На рис. 4 в качестве эрративов выступают слова «пожалуйста», «почему», «накручиваешь» и «страдаешь». В слове «пожалуйста» в данном примере намеренно упущена буква «й» и буква «а» в окончании слова изменена на «о». В слове «почему» гласная буква «о» заменена на «а». Упущение мягкого знака в двух последних эрративах, а также дополнительные эрративы вместе с изображением создают образ рефлексирующего кота, речь которого кажется скомканной, шепелявой и безграмотной. Таким образом, части данного интернет-мема в совокупности передают экспрессивность высказывания.

В качестве особого способа выразительности можно выделить использование *специфического сленга* для описания определенных фактов и явлений, получивших устойчивые специальные номинации в рамках определенных социальных сетей или социальных групп общения в Интернете. Например, в социальной среде игроков нормальным будет использование выражений *ганкать*, *имба*, *нерфить*, значение которых становится понятным лишь при погружении в атмосферу компьютерных игр. *Ганкать* (от англ. *gank*) означает действовать исподтишка, чтобы победить или уничтожить менее опытного оппонента в видеоигре [Definition of «gank»]. Выражение «*имба*» возникло от английского слова

«imbalanced»), в дословном переводе означает несбалансированный. В игровом мире *имба* означает некий сильный элемент или персонаж, который способен внести определенный дисбаланс в игру [Имба]. Нёрфить (от англ. «nerf») означает изменить настройки у существующего персонажа или предмета и сделать его слабее [Нёрфить]. Можно сделать предварительный вывод о том, что использование специального сленга в молодежной социальной среде в Интернете и в контекстной рекламе подчеркивает групповую исключительность участников общения, привлекает внимание к группе и способствует возникновению интереса к определенным игровым продуктам или информации.

Способы и средства изменения структурно-содержательного взаимодействия компонентов интернет-мема

Структурно-содержательный состав компонентов интернет-мемов является семиотически разнородным. Особенность интернет-мема заключается в регулировании его компьютерной программой, в определенных случаях позволяющей придать его компонентам элементы интерактивности: «если раньше семантический анализ акцентировал преимущественно то, что отражает изобразительный текст, то сегодня в первую очередь необходимо выявлять то, как рисунок интерпретирует действительность» [Пищальникова, Сонин, 2021, с. 291].

Традиционная структура поликодового интернет-текста включает изобразительную, в том числе иконическую, составляющую, которая различными функциональными отношениями связывается с вербальными, визуальными, акустическими фрагментами, взаимодействующими в физическом пространстве текста с целью представления актуального авторского смысла. При этом иконический знак в зависимости от своего характера (знак-копия, эмодзи и др.) может выполнять различные функции [Пищальникова, Сонин, 2021]. Поэтому, как указывает А.Г. Сонин, «одна из актуальных задач современной науки – раскрыть основополагающие законы таких произведений и помогать всем участникам интернет-коммуникации формировать умение самостоятельно анализировать сложные, семиотически неоднородные произведения, вырабатывать отстраненный, критический взгляд по отношению к ним» [там же].

В структуру вербальной составляющей поликодового текста может входить речь персонажа текста и комментирующий текст. Традиционным для речевого компонента является широкое использование восклицательных фраз и междометий, создающих эмоциональный фон. Учитывая вынужденную физическую ограниченность пространства поликодового текста, автор использует экспрессивно и эмоционально нагруженные лексические единицы и синтаксические конструкции [Канашина, 2018, с. 126]. Комментирующий текст, как правило, содержит подробности, относящиеся к изобразительной составляющей (время, место действия), задает эмоциональный фон восприятия (юмористический комментарий).

При создании мемов широко используются следующие *технологические возможности* цифрового информационного пространства.

1. *Шрифт*. Использование шрифта в меме, как правило, подчиняется основному правилу типографики – не сочетать больше двух-трех шрифтов в одном макете. Классическим сочетанием шрифтов разных гарнитур (групп шрифтов) является включение шрифтов с засечками в заголовке (Georgia, Merriweather) и без засечек в основном тексте (Open Sans, Roboto, Verdana) [Типографика].

2. *Кегль* (размер шрифта). Крупным кеглем оформляется наиболее важная информация мема, средним и мелким – второстепенный комментирующий и материалы речевого компонента. Изменение размера шрифта при сохранении идентичного содержания вербальной составляющей помогает перераспределить внимание пользователя и сфокусировать его на важной информации.

3. *Длина строки*. Чтобы взгляд читателя легко воспринимал строку, в строке должно быть не больше 45–65 знаков для латиницы и 45–75 для кириллицы.

4. *Расположение текста*. Читателю удобнее воспринимать текст, если информация размещена в нескольких узких колонках, а не в одной широкой: в этом случае скорость чтения выше [Что такое типографика]. Напротив, слишком узкая колонка затрудняет чтение и восприятие материала. Эту особенность восприятия текста используют не только при оформлении комментариев, но и при размещении речевого компонента на макете интернет-мема.

5. *Выравнивание*. Выравнивание текста в интернет-меме также может иметь значение для восприятия информации реципиентом. Например, экспериментально доказано, что информация, поданная в материале с выравниванием по центру, по правому краю и ширине, визуальнее воспринимается сложнее [Ling, van Schaik,

2007]. Для легкости восприятия вербальной информации в поликодовом тексте рекомендуется выравнивание по левому краю.

6. *Интерлиньяж* (межстрочное расстояние). Межстрочное расстояние для простоты восприятия информации должно пропорционально соотноситься с размером шрифта и длиной строки. Чем длиннее строка по количеству слов, тем больше должен быть интерлиньяж.

7. *Цветовой контраст*. Для усиления восприятия передаваемой информации часто добавляют контрастный цвет, который может иметь и символистические характеристики, закрепленные в национальных культурах. «Если принять распространенную идею о физическом воздействии цвета на организм, то включение того или иного цвета в поликодовый текст оказывает воздействие на реципиента в обход его концептуальной системы (хотя, разумеется, это воздействие может включаться в дальнейшем в сознательную концептуализацию» [Пищальникова, Сонин, 2021, с. 292]. Рисунок 5 демонстрирует использование контрастных цветов для привлечения внимания адресата.

Рис. 5

Черный цвет указывает на действие, происходящее ночью, розовый позволяет «показать» мозг внутри черепной коробки: героиня мема ведет диалог со своим мозгом. А контраст цветом

показывает, что действие осуществляется в двух местах: внутри головы и внутри комнаты. Цель мема – заставить реципиента задуматься над абсурдным вопросом, задержать его на странице и вынудить оставить комментарий или оценку мему.

8. *Использование знаков препинания как самостоятельных смыслообразующих единиц.* В такой функции чаще используется знак вопроса или восклицательный знак, которые приобретают свойства идеографемы и усиливают эмоции. Приведенный на рис. 6 мем демонстрирует использование знаков препинания как самостоятельных смыслообразующих единиц. Интернет-комикс разделен на четыре сегмента, определяющих хронологическую последовательность восприятия. В четвертом сегменте вопросительные знаки выражают экспрессивность эмоций персонажа (кота). И без текстового комментария содержание текста понятно, поскольку наглядно представлено в изобразительной составляющей. Во втором сегменте рисунка кот изображен с восклицательным знаком над головой и снова без текста, но выражение его морды аналогично человеческому выражению возмущения и испуга.

Рис. 6

9. Прием изменения графической структуры мема: изменение угла зрения воспринимающего текст, повторение изображения, изменение масштаба изображения, поворот изображения и его зеркальное отображение. Такой способ трансформации мема существенно способствует динамике содержания мема.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы о том, что в интернет-мемах используются как специфические для цифрового пространства технологические приемы воздействия на пользователя, так и речевые средства, традиционные для печатных СМИ, рекламы и политического дискурса. Основная задача авторов интернет-мемов – привлечь внимание к нему через технологические приемы, демонстрирующие динамику его формы, и тем самым повысить посещаемость интернет-страниц, на которых мемы размещены.

Список литературы

- Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: на материале креолизованных текстов. – Москва : Академия, 2003. – 122 с.
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь. – Москва : Русский язык, 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/184049> манипуляция (дата обращения: 28.03.2021).
- Имба.* Словарь молодежного сленга. – URL: <https://diclist.ru/slovar/molodezhnogo-slenga/i/imba.html> (дата обращения 17.07.2021).
- Канашина С.В.* Интернет-мем как современный медиадискурс // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 8(131). – С. 125–129.
- Климова Я.В.* Эративы в комических жанрах интернет-коммуникации // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : Статьи 19-й Международной конференции студентов и аспирантов и XIII международного «Конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей». – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2020. – С. 91–98.
- Лазарчева А.В., Бойко Л.Б.* Хэштеги в «Твиттер» и «Инстаграм»: структурные особенности и контекстное функционирование // Молодой ученый. – 2021. – № 13(355). – С. 64–70.
- Мемотека. Memepedia. – URL: <https://memepedia.ru/memoteka/> (дата обращения 09.04.2021).

- Навасартян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале Российских газет) : дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2017. – 172 с.
- Пищальникова В.А. Сущностные характеристики цифрового текста // Вестник Пятигорского ун-та. – 2021. – № 2. – С. 33–40.
- Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. – Москва : Р. Валент, 2021. – Ч. 3 : Лингвистика в междисциплинарных исследованиях языка и речи. – 416 с.
- Что такое типографика: основные понятия и правила. – URL: https://www.canva.com/ru_ru/obuchenie/tipografika/#link1 (дата обращения: 28.03.2021).
- Щурина Ю.В. Коммуникативно-игровой потенциал хештегов // Вестн. Череповец. гос. ун-та. – 2015. – № 8. – С. 100–104.
- Definition of «gank» / Oxford University Press. – URL: <https://www.lexico.com/definition/gank> (дата обращения 17.07.2021).
- Нёрфить. Definition of «nerf» // Dictionary.com. – URL: <https://www.dictionary.com/browse/nerf> (дата обращения 17.07.2021).
- Ling J, van Schaik P. The influence of line spacing and text alignment on visual search of web pages // Displays. – 2007. – № 28(2). – P. 60–67.

References

- Anisimova, E.E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication: based on the material of creolized texts*. Moscow: Academy.
- Efremova, T.F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming dictionary*. Retrieved from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/184049манипуляция>
- Imba. In: *Dictionary of youth slang*. Retrieved from: <https://diclist.ru/slovar/molodezhnogo-slenga/i/imba.html>
- Kanashina, S.V. (2018). Internet meme as a modern media discourse. *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 8(131), 125–129.
- Klimova, Ya.V. (2020). Erratives in the comic genres of Internet communication. *Modern media environment: traditions, current practices and trends. The view of young researchers: Articles of the 19th International Conference of Students and Postgraduates and the XIII International «Competition of scientific papers of students, undergraduates, postgraduates and applicants»* (pp. 91–98). Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.
- Lazarcheva, A.V. (2021). Hashtags in «Twitter» and «Instagram»: structural features and context functioning. *Young scientist*, 13(355), 64–70.
- Memepedia. *Memoteka*. Retrieved from: <https://memepedia.ru/memoteka/>
- Navasartyan, L.G. (2017). *Language means and speech techniques of information manipulation in the media (based on the material of Russian newspapers)*. Unpublished Doctoral dissertation. Saratov University, Saratov.
- Pishchalnikova, V.A. (2021). Essential characteristics of digital text. *Bulletin of the Pyatigorsk University*, 2, 33–40.
- Pishchalnikova, V.A., Sonin, A.G. (2021). *General linguistics. Part 3: Linguistics in interdisciplinary studies of language and speech*. Moscow: R. Valent.

- What is typography: basic concepts and rules*. Retrieved from: https://www.canva.com/ru_ru/obuchenie/typografika/#link1
- Shchurina, Yu.V. (2015). The communicative and gaming potential of hashtags. *Vestn. Cherepovets. state University*, 8, 100–104.
- Gank. *Definition of «gank»*. In: Oxford University Press. Retrieved from: <https://www.lexico.com/definition/gank>
- Nerf. *Definition of «nerf»*. In: *Dictionary.com*. Retrieved from: <https://www.dictionary.com/browse/nerf>
- Ling, J., van Schaik, P. (2007). The influence of line spacing and text alignment on visual search of web pages. *Displays*, 28(2), 60–67.

Девя С.Д.Р., Пехливан Н., Нванкво Д.Ч., Миршаки Ф.

**Расстройство аутистического спектра
как дегенеративное заболевание***

*НИУ «Высшая школа экономики», Россия, Москва,
sdevi@edu.hse.ru, npekhliyan@edu.hse.ru, dnvankvo@edu.hse.ru,
fmirshaki@edu.hse.ru*

Аннотация. Расстройство аутистического спектра как одно из речевых расстройств относится к классу сложных нейродегенеративных заболеваний, которое характеризуется трудностями в развитии не только речевых, но и коммуникативных навыков. Люди с расстройством аутистического спектра испытывают трудности при выражении и восприятии эмоций, что влечет за собой сбивки в коммуникации. Расстройство проявляется по-разному (признаки могут быть серьезными, средней тяжести и мягкими) как у взрослых, так и у детей. Несмотря на то что существует большое число работ по данной теме, по-прежнему остается много вопросов относительно причин возникновения данного расстройства, связи между особенностями речи и проявлением расстройства, когнитивными способностями и навыками говорящего, возрастом и возможностями развития. Наряду с этим специалисты подчеркивают значимость исследований процессов речепорождения и речевосприятия для выявления диагностического потенциала нейродегенеративных заболеваний.

Ключевые слова: речевые расстройства; расстройство аутистического спектра; нейродегенеративные заболевания.

Поступила: 11.06.2021

Принята к печати: 06.09.2021

---

* © Девя С.Д.Р., Пехливан Н., Нванкво Д.Ч., Миршаки Ф., 2021

Dewi C.J.R., Pehlivan N., Nwankwo J.C., Mirshaki F.
Autistic Spectrum Disorders as a neurodegenerative disease*

*National Research University «Higher School of Economics»,
Russia, Moscow, sdevi@edu.hse.ru, npekhliyan@edu.hse.ru,
dnvankvo@edu.hse.ru, fmirshaki@edu.hse.ru*

Abstract. As a type of speech disorder, Autism Spectrum Disorder (ASD) is a complex neurodevelopmental disorder which causes difficulties in developing both language skills and communication skills that may include recognizing emotions, gestures, facial expressions, etc. For instance, some people with ASD are unable to speak vocally, while others have limited speech abilities and have difficulty connecting and socializing with others (Steinbrenner, 2018). There are other characteristics of ASD, such as linguistic delays, impairments, or communication deficit which can be severe or mild, and these may also differ in adults and children. Even though several studies have focused on the characteristics of ASD, there is still a need for research to determine whether there is a link between speech impairments and neurodegenerative illness. However, this study concludes that there is an intricate link between emotion and attention. This is justified by the juxtaposition of the studies on ASD, which propose that the speaking ability of people with ASD is affected by attention and age. Moreover, it highlights speech disorders as a significant marker of neurodegenerative diseases and how these differ in adults and children with ASD in terms of language and communication skills.

Keywords: speech disorders; Autism Spectrum Disorder; neurodegenerative diseases.

Received: 11.06.2021

Accepted: 06.09.2021

Introduction

Speech disorders are broad terms that encompass various problems resulting from articulation, fluency, and voice. Consequently, the volume, rate, and quality of speech are abnormal, potentially affecting

---

* © Dewi C.J.R., Pehlivan N., Nwankwo J.C., Mirshaki F., 2021

the ability of a speaker to be understood [Machine learning ..., 2021]. Thus, speech disorders affect an individual while creating or producing speech sounds necessary for communication with other people. Those who have speech disorders encounter difficulties in the process of trying to understand information. One of the speech disorders which this study focuses on is the spectrum disorder associated with Autism.

Autism Spectrum Disorder (ASD) is a complex developmental condition which borders on various practices that may be traced to a triad of symptoms such as impaired reciprocal social interaction, disordered verbal and nonverbal communication, and restricted, repetitive behavior or circumscribed interests [CGH findings ..., 2021]. It is also a neurodevelopmental disorder characterized by linguistic delays or impairments ranging from severe to mild. Communication deficit is one of the characteristics of ASD. People with ASD have also been reported to exhibit communication difficulties, as well as poor social functioning [Short report ..., 2020]. Some people with ASD cannot communicate verbally, and some have minimal speech skills and difficulty interacting with others [Steinbrenner, 2018]. Besides, many children with neurodevelopmental disorders such as ASD also have difficulty recognizing and understanding emotions [Speeded ..., 2018]. They also frequently struggle with nonverbal communication methods such as hand gestures, eye contact, and facial expressions [Burzawa, 2018]. Essentially, this is an obstacle to fully utilizing the ability to speak.

Literature overview

This article examines empirical literature that is relevant to this study. Therefore, the review entails studies that relate to speech disorders and how it is indicative of neurodegenerative diseases. First, however, this study explores autism as a form of speech disorder in children and adults, which are symptoms or signs of neurodegenerative diseases.

Speech disorders affect the ability of a person to produce sound during word-formation. As noted by D. Mulfari et al. [Machine learning ..., 2021] speech disorders exist in various forms like the apraxia disorder which happens at childhood, fluency, stuttering, autism, resonance, etc. Voice disorders can also be analyzed and categorized as speech disorders. As for autism, which is a neurodevelopmental disorder, various scholars have conducted various studies in particular

[Barokova, Tager-Flusberg, 2020; Chenausky, Norton, Schlaug, 2017; Behavioral predictors ..., 2018]. It seems quite vague why a lot of studies have focused more on this particular speech disorder. It is stated that there is a steady increase in the number of students experiencing autism [Gurbuz, Hanley, Riby, 2019]. Unfortunately, this study focuses on university students within the UK which makes generalization difficult. Studies like [Kuder, Accardo, 2018] seem to be more encompassing as to the reasons for the increase in autism research. The aforementioned study explains that negative societal attitudes and overall difficulties result from inherent peculiarities. Attitudes towards persons with this disorder are such that it makes access to opportunities limited and general survival difficult [Cage, Howes, 2020]. These factors include higher stress and anxiety, difficulty interacting in social spaces, and self-confidence [Elias, White, 2018].

Furthermore, speech disorders are a broad phrase that encompasses a wide range of talents and differences relating to problems with articulation and as a result, user speech is atypical in volume, rate, or quality, impairing the ability of a speaker to be understood [Machine learning ..., 2021]. However, other speech disorders have attracted the attention of scholars. These disorders include dysarthria, stuttering, cluttering, childhood apraxia of speech (CAS), etc. D. Mulhari et al. [ibid.], note that dysarthria is a neuromotor speech impairment and is one of the most prevalent speech disorders. It can be inherited or acquired at any age as a result of a neurological injury or disease.

Similarly, a study conducted by M. Sommer et al. [Prevalence ..., 2021] explains that the prevalence of speech disorders such as stuttering, cluttering, and other developmental speech and language disorders. This study discovered that these speech disorders have increased as data presented between 2015 and 2018, shows that the numbers have changed significantly. On the other hand, the statistics for cluttering were relatively too low to determine whether the numbers have really increased, whereas the crude prevalence for stuttering remained stable. Perhaps this is an indication that some of these disorders are more prevalent than others. The first study was conducted through the German health insurance data that examined the incident and prevalent diagnoses of speech and language disorders. However, J.S. Jiang et al. [Processing of ..., 2021] state that in everyday speech there are forms of degradation that take place. This process is further explored as dependent on the compe-

ting sounds and unique vocal qualities or abilities which is characteristic of different individuals. Moreover, while the understanding of the speech is usually automatic, there is a tendency of reliability on the flexible and adaptive processing which cuts across the distributed neural networks. Therefore, this situation avails the cognitive ability with a profound computational challenge, thereby making the modifying of degraded speech exposed to a range of brain disorders.

However, it is worthy of note that these aforementioned studies stresses the significance of the problems associated with speech disorders to the growing population of humanity. According to P. Madaan et al. [Autism, epilepsy ..., 2020], autism spectrum disorder entails deficits that repeatedly makes it difficult to socially engage in communication with a person. In other words, a person who is diagnosed with such a disorder, finds it difficult to interact with people. This in essence is a restraining factor for the full utilization of the speech ability. Perhaps this further strengthens the reason behind the extensive focus on autism. But it does not mean that other speech disorders as mentioned in earlier paragraphs are not obstacles to speech. In fact, A.A. Alhabeeb, A.M. Aldossari, and N.A. Qureshi [Alhabeeb, Aldossari, Qureshi, 2021] posit that speech fluency disorder can be burdensome, full of complexities, and neurological in nature. Similarly, P. Madaan et al. [Autism, epilepsy ..., 2020] state that autism can be complex in that there exists some form of relationship between autism, epilepsy, and developmental regression. In other words, this study emphasizes the possibility of autism coexisting with epilepsy which can lead to a neuroregression cycle. But this may not be sufficient to establish a link between autism as a speech disorder and neurodegenerative disease.

Comparably, A.D. Gitler, P. Dhillon, and J. Shorter [Gitler, Dhillon, Shorter, 2017] explain that neurodegeneration is characteristic of diseases that are irremediable and are widely increasing in society. According to this study, diseases such as this have been difficult to manage as therapeutic strategies that have been devised to tackle it are not really efficient. Also, the complex nature and pathophysiological aspect needs to be explored so as to affect a new model that can be effective. However, this classification of diseases is not limited to neurodegenerative alone but others which include Alzheimers, Parkinsons, Huntingtons, dementia etc. [Gitler, Dhillon, Shorter, 2017]. One significant feature that cuts across these diseases as mentioned in this

study is that it affects the cognitive aspect of a person. And if this be the case then it might be right after all to establish a link between autism and neurodegenerative diseases.

In accordance with the study by A.D. Gitler et al. [Gitler, Dhillon, Shorter, 2017], American Speech-Language-Hearing Association, as cited by E. Murray et al. [Differential ..., 2021], explained that childhood apraxia of speech (CAS) is a neurological speech condition in which motor planning and programming of speech motions are disturbed, although there are no neuromuscular impairments such as aberrant tone. A similar study by J. Iuzzini-Seigel [Iuzzini-Seigel, 2021] extends the evaluation of children with apraxia and learning impairments. This is an indication that speech disorders affect learning procedures, especially in children. The study examined children with speech sound disorders and discovered that they showed signs of insufficient learning processing and were rated lower on language and motor assessments [Iuzzini-Seigel, 2021]. Moreover, traces of grammatical and motor impairments were found. In other words, speech disorders are not just a dynamic feature, it is a complex process that affects other parts of the human cognitive system. The brain is an essential component of speech coordination [Hodgson, Hudson, 2018]. Therefore, deductions made from scholars like J. Iuzzini-Seigel [Iuzzini-Seigel, 2021], E. Murray et al. [Differential ..., 2021], M. Sommer et al. [Prevalenc ..., 2021] tend towards the notion that these speech disorders may likely be robust markers of motor neuron diseases because the brain is involved. And since in the process of neurodegeneration the cognitive ability is affected, it may be safe to postulate that speech disorders like autism are a marker of neurodegenerative diseases.

However, B.G. Schultz et al. [Automatic ..., 2021] examine the use of automatic speech recognition to improve communication amongst persons with progressive disorders that impairs speech intelligibility. The study concluded that speech accuracy decreased with increased disease duration. In other words, this study recognizes the link between neurodegenerative diseases and speech disorders and states that with the increase in the duration of the disease, speech accuracy becomes difficult to achieve. This study is seemingly similar to J. Iuzzini-Seigel [Iuzzini-Seigel, 2021] and is an affirmation that speech disorders are markers of neurodegenerative diseases.

From the brief overview provided, it is debatable that this knowledge is critical for life course research on individuals with autism and for an understanding of the speech disorder as one of the examples of diagnostic markers of neurodegenerative diseases.

Conclusions

The study concludes that attention and age affect the speaking ability of persons with Autism Spectrum Disorder (ASD). Also, there is a significant effect of emotion on attention. Meanwhile, concentration with regards to its effect on the speaking ability is influenced by emotions. Therefore, to improve the speaking ability, good emotional management and increased awareness are required. Furthermore, some predictive factors related to linguistic and cognitive skills are observed as being responsible for these difficulties. Accordingly, information about impaired emotion recognition, underlying linguistic and cognitive skills help to select intervention procedures. Without this information, therapy provided may be inaccurate.

Children with ASD demonstrate very similar emotion recognition skills and are also significantly delayed in their development of these skills. While adults with ASD, have trouble deciphering what people are thinking or feeling. Also, facial expressions, body language, and social clues are difficult to solve, and it is strenuous to maintain a discussion and keep a conversation going. Moreover, this study highlighted the speech disorders and how it was indicative of neurodegenerative diseases, indicating the variables consistently impaired at each level, aimed at identifying those that appear to be most suitable to distinguish each pathological condition from healthy persons and for the differential diagnosis among different pathologies. All these endeavors will undoubtedly be supported by the theoretical view of ASD. Thus, further research is needed on the issue of communication barriers among people suffering from progressive disorders that impair speech comprehension.

Bibliography

- Alhabeeb A.A., Aldossari A.M., Qureshi N.A.* Training course framework directed towards persons who stutter: concepts and reflections with particular reference to Saudi Arabia // *Journal of Education, Society and Behavioural Science*. – 2021. – N 34(1). – P. 113–122. – URL: <https://doi.org/10.9734/jesbs/2021/v34i130297>
- Autism, epilepsy, and neuroregression: photosensitivity on electroencephalography solved the riddle / *Madaan P., Jauhari P., Luhar Z.M., Chakrabarty B., Gulati S.* *Clinical EEG and neuroscience*. – 2020. – N 51(6). – P. 399–402. – DOI: 10.1177/1550059419899327. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1550059419899327>
- Automatic speech recognition in neurodegenerative disease / *Schultz B.G., Tarigopula V.S.A., Noffs G., Rojas S, Van der Walt A., Grayden D.B., Vogel A.P.* // *Int J Speech Technol*. – 2021. – N 24. – P. 771–779. – DOI: 10.1007/s10772-021-09836-w. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10772-021-09836-w>
- Barokova M., Tager-Flusberg H.* Commentary: measuring language change through natural language samples // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2020. – N 50. – P. 2287–2306. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10803-018-3628-4>. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-018-3628-4>
- Behavioral predictors of improved speech output in minimally verbal children with autism / *Chenausky K., Norton A., Tager-Flusberg H., Schlaug G.* // *Autism Research*. – 2018. – N 11. – P. 1356–1365. – DOI: <https://doi.org/10.1002/aur.2006>. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/aur.2006>
- Burzawa K.R.* Difficulties in verbal and non-verbal communication in autism // *Society, Integration, Education*. – 2018. – Vol. 3 I. – P. 45–53. – DOI: 10.17770/sie2018vol1.3330
- Cage E., Howes J.* Dropping out and moving on: a qualitative study of autistic people's experiences of university // *Autism*. – 2020. – N 24(7). – P. 1664–1675. – DOI: 10.1177/1362361320918750
- CGH findings in children with complex and essential Autistic Spectrum Disorder / *Anunziata S., Bulgheroni S., D'Arrigo S., Esposito S., Taddei M., Saletti V., Alfei E., Sciacca F.L., Rizzo A., Pantaleoni C., Riva D.* // *Journal of autism and developmental disorders*. – DOI: 10.1007/s10803-020-04833-5. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04833-5>
- Chenausky K.V., Norton A.C., Schlaug G.* Auditory-motor mapping training in a more verbal child with autism // *Frontiers in Human Neuroscience*. – 2017. – N 11. – DOI: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00426>. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2017.00426/full>
- Differential diagnosis of childhood apraxia of speech compared to other speech sound disorders: a systematic review / *Murray E., Iuzzini-Seigel J., Maas E., Terband H., Ballard K.J.* *Am J Speech Lang Pathol*. – 2021. – N 30(1). – P. 279–300. – DOI: 10.1044/2020_AJSLP-20-00063. – URL: https://pubs.asha.org/doi/10.1044/2020_AJSLP-20-00063
- Elias R., White S.W.* Autism goes to college: understanding the needs of a student population on the rise // *J Autism Dev Disord*. – 2018. – N 48(3). – P. 732–746. – DOI: <https://doi.org/10.1007/s10803-017-3075-7>. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-017-3075-7>

- Gitler A.D., Dhillon P., Shorter J.* Neurodegenerative disease: models, mechanisms, and a new hope // *Disease Models and Mechanisms*. – 2017. – N 10(5). – P. 499–502. – DOI: <https://doi.org/10.1242/dmm.030205>. – URL: <https://journals.biologists.com/dmm/article/10/5/499/2428/Neurodegenerative-disease-models-mechanisms-and-a>
- Gurбуz E., Hanley M., Riby D.M.* University students with autism: the social and academic experiences of university in the UK // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2019. – N 49. – P. 617–631. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10803-018-3741-4>
- Hodgson J.C., Hudson J.M.* Speech lateralization and motor control // *Progress in brain research*. – 2018. – N 238. – P. 145–178. – DOI: <https://doi.org/10.1016/bs.pbr.2018.06.009>
- Iuzzini-Seigel J.* Procedural learning in children with CAS // *ASHA journals. Journal contribution*. – 2021. – N 64(4). – P. 1081–1103. – DOI: https://doi.org/10.1044/2020_JSLHR-20-00581. – URL: https://pubs.asha.org/doi/10.1044/2020_JSLHR-20-00581
- Kuder S.J., Accardo A.* What works for college students with Autism Spectrum Disorder // *J Autism Dev Disord*. – 2018. – N 48(3). – P. 722–731. – DOI: 10.1007/s10803-017-3434-4. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-017-3434-4>
- Machine learning assistive application for users with speech disorders / *Mulfari D., Meoni G., Marini M., Fanucci L.* // *Applied Soft Computing*. – 2021. – N 103. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2021.107147>. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1568494621000703?via%3Dihub>
- Prevalence and therapy rates for stuttering, cluttering, and developmental disorders of speech and language: evaluation of German health insurance data / *Sommer M., Waltersbacher A., Schlotmann A., Schröder H., Strzelczyk A.* // *Front Hum Neurosci*. – 2021. – DOI: 10.3389/fnhum.2021.645292
- Processing of degraded speech in brain disorders / *Jiang J.S., Benhamou E., Waters S., Johnson J.C.S., Volkmer A., Weil R.S., Marshall C.R., Warren J.D., Hardy C.J.D.* – 2021. – DOI: 10.3390/brainsci11030394. – URL: <https://www.mdpi.com/2076-3425/11/3/394/htm>
- Short report: social communication difficulties and restricted repetitive behaviors as predictors of anxiety in adults with autism spectrum disorder / *Kuzminskaite E., Begeer S., Hoekstra R.A., Grove R.* // *Autism*. – 2020. – N 24(7). – P. 1917–1923. – DOI: 10.1177/1362361320934218
- Speeded recognition of fear and surprise in autism / *Nagy E., Paton S.C., Primrose F.E.A., Farkas T.N., Pow C.F.* // *Perception*. – 2018. – N 47 (12). – P. 1117–1138. – DOI: 10.1177/0301006618811768
- Steinbrenner J.* Fostering communication in elementary school children on the Autism // *Spectrum who are minimally verbal. Seminars in speech and language*. – 2018. – N 39(2). – P. 103–113. – DOI: <https://doi.org/10.1055/s-0038-1627482>

References

- Alhabeeb, A.A., Aldossari, A.M., Qureshi, N.A. (2021). Training course framework directed towards persons who stutter: concepts and reflections with particular reference to Saudi Arabia. *Journal of Education, Society and Behavioural Science*, 34(1), 113–122. DOI: <https://doi.org/10.9734/jesbs/2021/v34i130297>

- Madaan, P., Jauhari, P., Luhar, Z.M., Chakrabarty, B., Gulati, S. (2020). Autism, epilepsy, and neuroregression: photosensitivity on electroencephalography solved the riddle. *Clinical EEG and neuroscience*, 51(6), 399–402. DOI: 10.1177/1550059419899327. Retrieved from: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1550059419899327>
- Schultz, B.G., Tarigoppula, V.S.A., Noffs, G., Rojas, S., Van der Walt, A., Grayden, D.B., Vogel, A.P. (2021). Automatic speech recognition in neurodegenerative disease. *Int J Speech Technol*, 24, 771–779. DOI: 10.1007/s10772-021-09836-w. Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10772-021-09836-w>
- Barokova, M., Tager-Flusberg, H. (2020). Commentary: measuring language change through natural language samples. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 50, 2287–2306. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10803-018-3628-4>. Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-018-3628-4>
- Chenausky, K., Norton, A., Tager-Flusberg, H., Schlaug, G. (2018). Behavioral predictors of improved speech output in minimally verbal children with autism. *Autism Research*, 11, 1356–1365. DOI: <https://doi.org/10.1002/aur.2006>. Retrieved from: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/aur.2006>
- Burzawa, K.R. (2018). Difficulties in verbal and non-verbal communication in autism. *Society, Integration, Education*, 3, 45–53. DOI: 10.17770/sie2018 vol1.3330
- Cage, E., Howes, J. (2020). Dropping out and moving on: a qualitative study of autistic people's experiences of university. *Autism*, 24(7), 1664–1675. DOI: 10.1177/1362361320918750
- Annunziata, S., Bulgheroni, S., D'Arrigo, S., Esposito, S., Taddei, M., Saletti, V., Alfei, E., Sciacca, F.L., Rizzo, A., Pantaleoni, C., Riva, D. (2021). CGH findings in children with complex and essential Autistic Spectrum Disorder. *Journal of autism and developmental disorders*. DOI: 10.1007/s10803-020-04833-5. Retrieved from: <https://doi.org/10.1007/s10803-020-04833-5>
- Chenausky, K.V., Norton, A.C., Schlaug, G. (2017). Auditory-motor mapping training in a more verbal child with autism. *Frontiers in Human Neuroscience*, 11. DOI: <https://doi.org/10.3389/fnhum.2017.00426>. Retrieved from: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnhum.2017.00426/full>
- Murray, E., Iuzzini-Seigel, J., Maas, E., Terband, H., Ballard, K.J. (2021). Differential diagnosis of childhood apraxia of speech compared to other speech sound disorders: a systematic review. *Am J Speech Lang Pathol.*, 30(1), 279–300. DOI: 10.1044/2020_AJSLP-20-00063. Retrieved from: https://pubs.asha.org/doi/10.1044/2020_AJSLP-20-00063
- Elias, R., White, S.W. (2018). Autism goes to college: understanding the needs of a student population on the rise. *J Autism Dev Disord*, 48(3), 732–746. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10803-017-3075-7>. Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-017-3075-7>
- Gitler, A.D., Dhillon, P., Shorter, J. (2017). Neurodegenerative disease: models, mechanisms, and a new hope. *Disease Models and Mechanisms*, 10(5), 499–502. DOI: <https://doi.org/10.1242/dmm.030205>. Retrieved from: <https://journals.biologists.com/dmm/article/10/5/499/2428/Neurodegenerative-disease-models-mechanisms-and-a>
- Gurbuz, E., Hanley, M., Riby, D.M. (2019). University students with autism: the social and academic experiences of university in the UK. *Journal of Autism and Developmental Disorders*, 49, 617–631. Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10803-018-3741-4>

- Hodgson, J.C., Hudson, J.M. (2018). Speech lateralization and motor control. *Progress in brain research*, 238, 145–178. <https://doi.org/10.1016/bs.pbr.2018.06.009>
- Iuzzini-Seigel, J. (2021). Procedural learning in children with CAS. *ASHA journals. Journal contribution*, 64(4), 1081–1103. DOI: https://doi.org/10.1044/2020_JSLHR-20-00581. Retrieved from: https://pubs.asha.org/doi/10.1044/2020_JSLHR-20-00581
- Kuder, S.J., Accardo, A. (2018). What works for college students with Autism Spectrum Disorder. *J Autism Dev Disord.*, 48(3), 722–731. DOI: 10.1007/s10803-017-3434-4. Retrieved from: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10803-017-3434-4>
- Mulfari, D., Meoni, G., Marini, M., Fanucci, L. (2021). Machine learning assistive application for users with speech disorders. *Applied Soft Computing*, 103. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.asoc.2021.107147>. Retrieved from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1568494621000703?via%3Dihub>
- Sommer, M., Waltersbacher, A., Schlotmann, A., Schröder, H., Strzelczyk, A., (2021). Prevalence and therapy rates for stuttering, cluttering, and developmental disorders of speech and language: evaluation of German health insurance data. *Front Hum Neurosci*. DOI: 10.3389/fnhum.2021.645292
- Jiang, J.S., Benhamou, E., Waters, S., Johnson, J.C.S., Volkmer, A., Weil, R.S., Marshall, C.R., Warren, J.D., Hardy, C.J.D. (2021). Processing of degraded speech in brain disorders. DOI: 10.3390/brainsci11030394. Retrieved from: <https://www.mdpi.com/2076-3425/11/3/394/htm>
- Kuzminskaite, E., Begeer, S., Hoekstra, R.A., Grove, R. (2020). Short report: Social communication difficulties and restricted repetitive behaviors as predictors of anxiety in adults with autism spectrum disorder. *Autism*, 24(7), 1917–1923. DOI: 10.1177/1362361320934218
- Nagy, E., Paton, S.C., Primrose, F.E.A., Farkas, T.N., Pow, C.F. (2018). Speeded recognition of fear and surprise in autism. *Perception*, 47(12), 1117–1138. DOI: 10.1177/0301006618811768
- Steinbrenner, J. (2018). Fostering communication in elementary school children on the autism spectrum who are minimally verbal. *Seminars in speech and language*, 39(2), 103–113. DOI: <https://doi.org/10.1055/s-0038-1627482>

Информация для авторов

Научный журнал «Этнопсихолингвистика» – это периодическое рецензируемое сетевое научное издание ИНИОН РАН.

Журнал учрежден в 2017 году. С 2021 года выходит четыре раза в год. Электронный адрес журнала в сети Интернет: <http://epl-inion.org>

Журнал индексируется в РИНЦ.

Полнотекстовый архив журнала размещается на платформе Научной электронной библиотеки: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?titleid=69764>

Рукописи направляются на электронный адрес редакции журнала: epl@inion.ru, eplingua@yandex.ru в электронном виде в формате *.doc, *.docx или загружаются в систему подачи рукописей на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/send.php>

К рассмотрению принимаются ранее не опубликованные (и не находящиеся на рассмотрении в других журналах, сборниках, материалах конференций) *исследовательские статьи* и *аналитические обзоры*.

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование по модели «двойное слепое рецензирование». О результатах рецензирования автору сообщается по электронной почте.

Все поступившие в редакцию журнала исследовательские статьи и аналитические обзоры проверяются на наличие плагиата.

Редакция оставляет за собой право на научную и литературную правку рукописи.

Исследовательские статьи и аналитические обзоры в журнале публикуются бесплатно.

Общий объем текста одной статьи (с учетом метаданных на русском и английском языках) не должен превышать 35 000 знаков.

Авторы материалов, успешно прошедших рецензирование и принятых к публикации, направляют в адрес редакции журнала подписанный акцепт. Лицензионное соглашение и бланк акцепта размещены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org/legal.php>

Подробное описание процедуры работы над статьей, требования, предъявляемые к рукописям, тематика журнала, состав редакционной коллегии представлены на официальном сайте журнала по адресу: <http://epl-inion.org>